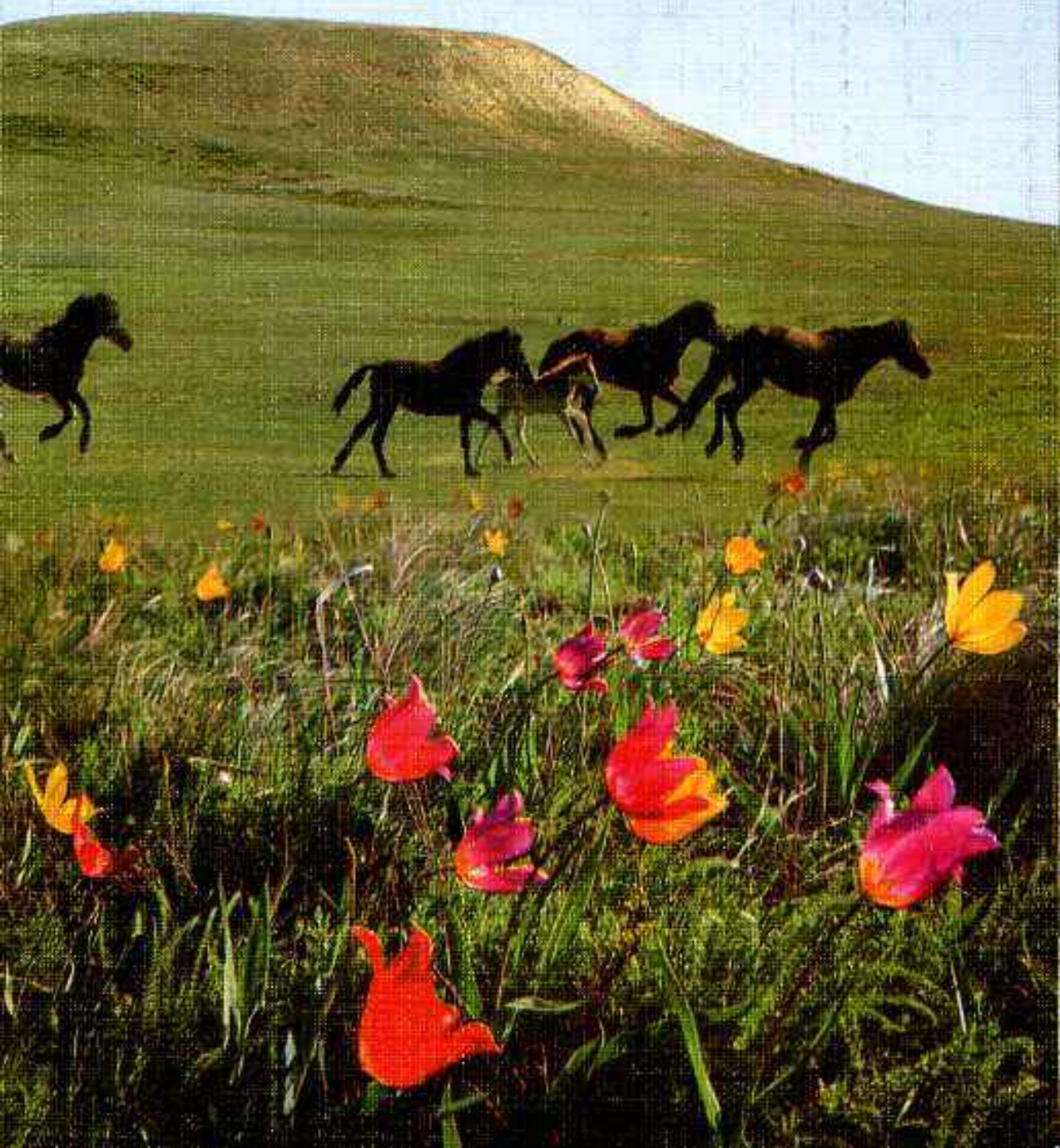

№ 35 ГОСТИННЫЙ
ДВОР

**Лауреаты премии альманаха
«Гостиный Двор»
для молодых поэтов «Чаша бытия»
2010 года**

*Кильдяшов Михаил Александрович
Подборка стихов «Мои серебряные цепи»*

*Абаимова Влада Александровна
Подборка стихов «Такие времена»*

*Кольцова Анастасия Сергеевна
Подборка стихов «Я иду по облакам»*

*Тишакова Дарья Игоревна
Подборка стихов «Палитра жизни»*

**ГОСТИНЫЙ
ДВОР**

Литературно-художественный и общественно-политический альманах
Издаётся с 1995 года

*Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области*

Оренбург
2011

Учредители:

Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области,
Оренбургская областная общественная писательская организация Союза писателей
России

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:

председатель – В.А. Шориков, министр культуры, общественных и внешних связей
Оренбургской области

В.А. Бахревский (Подмосковье)	Л.П. Сковородко
Н.А. Емельянова	В.Б. Соколов
В.М. Капустина	Т.В. Судоргина
П.Н. Краснов	А.А. Теляшина (Новотроицк)
В.А. Лабузов	А.Г. Фидлипов
Г.П. Матвиевская	О.К. Четвериков
В.В. Ренёв	А.А. Чибилёв
П.Г. Рыков	Н.М. Щербанов (Уральск)

Почтовый адрес редакции:

460009, г. Оренбург, проспект Братьев Коростелёвых, 4
Телефоны: (3532) 74-43-39, 8-903-394-32-60

Почтовый адрес издателя:

460009, г. Оренбург, проспект Братьев Коростелёвых, 4
Государственное унитарное предприятие «Редакция газеты «Оренбуржье»
Телефон/факс (3532) 74-43-36
E-MAIL: gazorb@mail.ru

На первой и последней страницах обложки – фото В.Б. Соколова
Художник – О.В. Нагорная
Компьютерный дизайн – Л.В. Гмырина, А.А. Воловод
Компьютерный набор – Е.Н. Цыганчук, Г.Р. Чуйкова
Корректоры – Ф.Н. Кузнецова, Л.И. Беляева

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые
несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпа-
дать с точкой зрения редакции

Сдано в набор 30.04.2011 г.

Подписано в печать 3.06.2011 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22,5 печ. л.
Тираж 1 500 экз.
Заказ № 1255

Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ГУ56-00153 от 21.04.2010 г. в Управлении
Роскомнадзора по Оренбургской области Федеральной службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в ООО «УралПечатьСервис»
462353, г. Новотроицк, ул. Горького, 14

ISBN

© Альманах «Гостиный Двор», 2011

*«...Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли,
охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных
времен».*

*Я вижу их, охраняющими свои дома, где их матери и жёны молятся
- да, ибо бывают времена, когда молятся все - о безопасности своих
близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры.*

*Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существо-
ванию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют ис-
конные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети.*

*Я вижу, как на всё это надвигается гнусная нацистская военная
машина с её щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицера-
ми, с её искусными агентами, только что усмирившими и связавшими
по рукам и ногам десятков стран.*

*Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой
гунтской солдатки, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи.*

*Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с ещё
незажившими рубцами от ран, нанесённых им англичанами, раду-
ющиеся тому, что они нашли, как им кажется, более лёгкую и верную
добычу.*

*За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые пла-
нируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бед-
ствий... Я должен заявить о решении Правительства Его Величества,
и уверен, что с этим решением согласятся в своё время великие до-
минионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня за-
держки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в
том, какова будет наша политика?*

*У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решим-
ности уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто
не сможет отаратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем
договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с
кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем
сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока,
с божьей помощью, не избавим землю от самой тени его и не освободим
народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются
против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государ-
ство, которые идут с Гитлером, наши враги...*

*Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует,
что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только
сможем...»*

Уинстон ЧЕРЧИЛЛЬ

22 июня 1941 г.

23:00 по Гринвичу

ГОСТИНЫЙ ДВОР

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- 6 Александр Филиппов. Аномальная зона. *Роман. Окончание*
- 68 Валерий Кузнецов. Прощание со степью. *Стихи*
- 72 Сергей Бурдыгин. Оренбургские дворики. *Стихи*
- 88 Павел Рыков. Переложение 103-го псалма Давидова. *Стихи*
- 91 Сергей Фролов. По зёрнышку. *Страницы раздумий*
- 102 Александр Филатов. Все двенадцать погод. *Стихи*
- 113 Георгий Саталкин. Сегодня снег с дождём. *Рассказ*
- 117 Лидия Журба. Я сама себе свобода. *Стихи*
- 121 Александр Фурсов. Родина у нас была и есть. *Стихи*
- 134 СТИХИ ПО КРУГУ: Антон Железный, Вера Жидкова, Владимир Курушкин, Иван Малов, Ирина Моргачёва
- 143 Пётр Данилов. Общий язык. *Юмористический рассказ*
- 207 Павел Северный. Гимн. *Рассказ*
Послесловие П. Фёдорова «Верность старой России барона П.А. фон Ольбриха, или История не сломленных духом побеждённых»
- 227 Вячеслав Чернов. Урал. *Рассказы*

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

- 77 Григорий Ивлиев. Певец шквала земных событий пророк Есенин Сергей
Послесловие Т. Дегтярёвой «Есенин и православие»
- 325 Юлия Курдакова. Из записок реставратора. *История создания стихотворений Е. Курдакова «Кадь» и «Пряха»*
- 356 Владимир Одноралов. Союз пера и кисти плодотворен... *Впечатления от одной коллекции живописи и её владельце*

ОРЕНБУРГСКАЯ ДИАСПОРА

- 108 Николай Борский. Весь я отсюда. *Стихи*
- 331 Алексей Иванов-Огарыш. Приказано любить.
Из дневника церковностроителя. Продолжение

НАША ГОСТИНАЯ

СОЛДАТСКИЕ МЕМУАРЫ

- 125 Сергей Бударин. Сердце объято любовью... *Стихи*
- 129 Виктор Верстаков. Последний бой. *Стихи*
- 183 Николай Толстиков. Солдат. *Рассказ*

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

- 146 Пётр Семенихин. Одно слово – и вся жизнь. *Главы из книги воспоминаний «Капельки»*
- 158 Николай Волженцев. Слава русскому солдату!
Из записок отца и земляков
- 164 Александр Семёнов. Ничто не забыто. *Житейские рассказы*
- 191 Валентина Головина. Экспедиция «Звезда».
Из старого путевого дневника
- 217 Галина Матвиевская. «Нынешний год стал для меня важнейшим годом моей беспокойной жизни...»
Свидетельства очевидца о путешествии Александра Гумбольдта по Оренбургскому краю

КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ

- 171 Елена Иванова. Мастера стремительного удара.
Оренбургские казаки на фронтах Великой Отечественной

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

- 232 Татьяна Дегтярёва. Доктор и писатель В.А. Чернов.
Заметки о творчестве

НАРОДНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- 239 Валерий Слюньков. Не опоздать бы... *Болезнь тема, или Материалы для размышления на государственном уровне*

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

- 246 Марат Касымов. Стерегищий стадо. *Рассказы егеря*
- 255 Татьяна Белозёрова. Радующие сердце. *Главы из будущей книги «Грибы Оренбургской области»*

ГОСТИНЫЙ ДВОРИК

- 280 Владимир Одноралов. Ежиная кувырколлегия.
Рассказы

ДУХОВНЫЙ ЩИТ

- 291 Владимир Баклыков, Ирина Земскова. Храм праведного Симеона Верхотурского. *Хроника репрессий и борьбы за веру*

НАСЛЕДИЕ

- 311 Вера Жирнова. Забытый мастер. *Воспоминания о художнике С.Н. Колоярском*

РОДОСЛОВНАЯ

- 350 Вера Жидкова. Тайны старого альбома. *О родовых гнездах и не только*

Александр СЕМЁНОВ

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Александр Семёнович Семёнов родился в 1927 году в Новозыбкове Брянской области. В Оренбурге с 1941 года (эвакуирован вместе с родителями). Окончил Орский индустриальный техникум, работал бригадиром, начальником электросетей в Светлинском районе, главным энергетиком управления сельского хозяйства облистalkingа, областного объединения «Оренбургагропромэнерго». Ветеран труда, живёт в Оренбурге.

Детям войны посвящается

22 июня объявили, что началась война. Мы жили тогда в небольшом городке Новозыбкове, в доме напротив вокзала. Отец работал в системе «Военстрой», руководил участком по строительству запасных аэродромов. В то время мы ещё не предполагали, что война будет такой долгой, кровавой и разрушительной. Вскоре подошёл к станции санитарный поезд, из него вынесли носилки с тяжелоранеными. Погрузили в машину и увезли в госпиталь. Слух об этом мгновенно разнёсся в городке, и люди, жившие поблизости, понесли раненым всё, что могли. Клубнику, молоко, сладости, папиросы. Начали появляться над городом самолёты со свастикой, сбросили несколько бомб. У нас во дворе, под деревом, был установлен счетверённый зенитный пулемёт. Расчёт его жил у нас в доме. Взрослые и мы, подростки, рыли за городом противотанковые рвы. Началась эвакуация материальных ценностей. Отцу было предписано грузовые машины направить в распоряжение управле-

ния, а всё ценное погрузить в вагоны и сопроводить до Тамбова. Эшелон ждал отправки на запасных путях.

ПЕРВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Ближе к вечеру подошёл состав с беженцами, затем два воинских эшелона. Один с артиллерийскими орудиями на конной тяге, второй со снарядами. В небе самолёт-разведчик «рама», а минут через пятнадцать из-за леса появились пикирующие бомбардировщики и сбросили первый свой смертоносный груз. За ними тройки самолётов на бреющем полёте начали бомбить станцию и близлежащие дома. Стрельба зениток, взрывы бомб и рвущихся снарядов в эшелоне, крики раненых людей и ржание лошадей слились в один страшный шум. Стрелял и наш пулемёт во дворе. Крутом всё горело. Отец командовал уйти в щель. Только мы успели укрыться, как на наш дом и двор упали две бомбы. Отец решил уходить в лес. Он нес на руках младшего брата, прикрывая его собой от падающих осколков. За нами бежал какой-то мальчик и кричал: «Там мама лежит!» Я подхватил его на руки и мы перебежками стали удаляться в сторону леса. Начало темнеть и только огромное зарево было видно в районе вокзала, где всё ещё слышались разрывы снарядов.

ПОХОД В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

К утру мы вышли к дороге, ведущей в город. Отец усадил нас для маскировки в кустах. Сам ушёл в город для выяснения ситуации. Его беспокоили сохранность загруженных вагонов. Нужно было оформить

документы в случае их потери при бомбёжке, посмотреть, что осталось от нашего дома. Мы сидим, смотрим, как уходят из города первые беженцы. Кто пешком, кто на поводах. Поток всё нарастает. У нас нет ни воды, ни хлеба. Малыши немного прикорнули, только мальчик с разбомблённого поезда постоянно вздрагивал и звал маму. Прилетела «рама». Пара наших истребителей попыталась сбить её, но она вовремя скрылась. Всё ближе стали слышны разрывы снарядов и пулемётные очереди. Фронт приближался. Ближе к вечеру поток беженцев прекратился. Показалась полуторка с военными. Лейтенант вышел из кабины, спросил, почему здесь сидим, и предупредил, что не имеет права нас взять, но через час-полтора в город должны войти немецкие танки. Не дождавшись отца, мы пошли за отступающими войсками. В первой деревне нас покормили. Дали с собой хлеба, яблок, бутылку воды. Предлагали оставить мальчика, но мы не согласились. Начался наш поход в неизвестность. Шли не останавливаясь. Мама несла брата на руках, я — мальчика. Когда мы уставали, дети шли какое-то время сами. Ночью немного поспали в лесу и чуть свет снова пошли. Днём нас догнали две военные брички, в которых сидели дети. Их сопровождала медсестра. Она спросила, нет ли у нас детей из разбомблённого поезда. Мы отдали ей мальчика. Медсестра напоила его водой, дала еду. Напоила и нас. Брички были переполнены детьми. И мы пошли дальше, неся по очереди четырёхлетнего брата. Стало легче на душе и физически. Через

несколько дней, пройдя километров сто пятьдесят, пришли к разъезду хутор Михайловский. Забрались на платформу, загруженную пакетами белой жести, и поехали. Помню, что ночью было очень холодно, мы с мамой прикрывали маленького собой.

КОНОТОП

Рано утром подъехали к станции Конотоп, встали на втором пути. Я смотрю и глазам не верю — на перроне стоит отец. Я помахал рукой, он увидел, кинулся было к нам, но на первый путь подходил поезд. И вдруг перед нашей платформой, как из-под земли, появился отец. Мы оторопели. Оказывается, там был тоннель с выходом на каждый путь. Впервые за несколько дней сильнейших потрясений мы почувствовали безмерную радость. Отец рассказал, что он несколько суток встречал поезда, надеясь увидеть нас. В Конотопе жила мама и тётя. Отец уже узнал её адрес и мы направились к ней. По дороге рассказывали, что с нами произошло. Отец спросил о мальчике с разбомбленного поезда, похвалил меня, что я держался, как настоящий мужчина. Мама сказала ему, что потеряла обручальные кольца. Наверное, выпали из сумочки, когда падали и прятались во время бомбёжки. Отец сказал, что это плохая примета, но сейчас главное, что мы все вместе. Рассказал, что дом наш и несколько соседских разбомбили. Погибли люди, в том числе и зенитно-пулемётный расчёт. Уничтожены и вагоны с грузом, где были и наши вещи. Наконец мы пришли к маминной тётке. Нас накормили, придели. Дали немного продуктов

на дорогу и котелок, который нам здорово пригодился. Попроцались и как оказалось — навсегда. Поехали дальше. Вместе уже было хорошо и надёжно. На больших станциях уже работали эвакупункты. Нас кормили, давали хлеб.

В ТАМБОВЕ

Там нас поселили в огромном бараке, где стояла единственная плита, на которой по очереди готовили пищу. После всех переживаний это нам показалось земным раем. Отца сразу назначили руководителем по приёмке поступающих из оккупированных областей грузов.

Материалы и техника приходили днём и ночью и он почти не бывал дома. Нам выдали продуктовые карточки, появились продукты. Жизнь стала налаживаться. Мой сверстник разведка, что можно накопать картошки на уже убранном поле. Только надо было добыть лопаты. Отец дал нам лопаты и два ведра. Вечером, довольные, мы уже варили картошку в мундире. Я понёс ужин отцу. Он был рад и доволен. А я гордился и радовался, что стал добытчиком. Вскоре на город совершила несколько налётов вражеская авиация, но была низкая облачность, шёл снег. Это помешало ей сбросить бомбы на цели. Началась зима, и отец сказал мне под строгим секретом, что сформированное управление в полном составе будет перебазировано в Чкалов. Уже готовились вагоны-теплушки. Через некоторое время поступила команда на погрузку. Всем сотрудникам и членам их семей выдали богатый по тем временам паёк. Консервы мясные и рыбные, горох с

Семёнов С.М. с сыном
Александром, г. Новозыбков,
1937 г.

мясом, концентраты, сахар и другие продукты. У нас ещё был запас картошки. В вагонах установили печки-бочки. Был запас топлива. Но тут началось контрнаступление под Москвой. И хотя наш поезд был литерный, ему приходилось пропускать встречные воинские эшелоны, которые один за одним шли на фронт. Но мы радовались, что наконец-то погнались фашистов под Москвой.

ЧКАЛОВ

Дорога в Чкалов была довольно долгой. На станциях приходили в вагоны политинформаторы. Читали сводки с фронтов. На больших станциях разносили в термосах горячую пищу, газеты. Наконец рано утром прибыли на станцию Чкалов. Стоял сильнейший мороз. Нас на машинах доставили во вновь созданное Южно-Уральское окружное военное-строительное управление («ЮЖУрал ОВСУ»). Вышел полковник-начальник управления. Поздравил с прибытием. Заверил, что все будут распределены по квартирам, получат всё необходимое для дальнейшего проживания. Нас определили в свободную часовню, рядом со складами, в которых должен был работать отец. Там уже топилась «буржуйка», стояли две кровати с постельным на-

бором, ведра и другой необходимый в хозяйстве инвентарь. Выдали продуктовые карточки. Так начиналась жизнь на новом месте, в глубоком тылу. Мне шёл пятнадцатый год, отец устроил меня на работу в авторемонтную базу «Военстроя» учеником электрослесаря. Мне выдали спецодежду, рабочую карточку. В общем, приняли и признали, как сына полка. Определили место в палатке. Мне всё это очень нравилось, особенно дежурить по ночам, следить за двумя огромными печками-бочками. Все были при деле. Но через некоторое время случилось непредвиденное. Особист — майор возбудил дело против отца за неполное выполнение приказа по эвакуации материальных ценностей. Не оказалось документа,

что груз был действительно уничтожен в результате бомбёжки станции.

КАША

Времена были суровые, и отец был осуждён. Помню, как мама, мой пятилетний брат и я стоим на перекрёстке и ждём, когда поведут с работы заключённых. Вот показалась колонна. Крайний справа отец, он смотрит на нас. Худой, измождённый, в старой военной форме. Звучит команда: «Стой, садись!» Заключённые присаживаются на корточки. Отец жестом показывает, чтобы малыши подошёл. Брат срывается с места, подбегает к нему. Отец целует его, прижимает к себе, гладит по головке. Достает из-за пазухи маленький сверток и отдает ему в руки. Звучит команда: «Встать!», и колонна движется в сторону лагеря. Мы идём на небольшом расстоянии и ловим глазами лицо отца. Перед входом в зону мама тихо благодарит старшего конвоя. Он незаметно кивает головой. Дома, развернув пакет, читаем записку: «Моя просьба об отправке на фронт удовлетворена». В небольшой тряпичке завернута поспевшая перловая каша и небольшой кусок хлеба. Это был завтрак отца. Самый дорогой подарок, о котором я буду помнить, пока живу.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Утром неожиданно пришёл отец. Он сопровождал командира в город.

Семён Семёнов,
Северная Померания,
1945 г.

Отец переоделся в гражданскую одежду, и я пошёл с ним на рынок. Нужно было к приходу командира приготовить обед. Денег хватило на буханку хлеба, три килограмма картошки и триста граммов сала. Я смотрел, как отец внимательно рассматривал каждую картофелину, протирали её рукавом и только после этого клал на весы. Это тоже запомнилось мне навсегда.

ДОВЕСОК

Идёт война. У нас нет часов, и мама спит впотьмах — боится опоздать на работу. Она на швейной фабрике шьёт обмундирование. Часы есть у соседки и она рано утром будит маму, которая торопливо жуёт на ходу и готовит еду на день младшему сыну. Ему шесть лет и он ещё спит. Мне почти пятнадцать, я работаю и после ночного дежурства пришёл домой. Принёс бутылку керосина для примуса и копилки, немного хлеба. У меня рабочая карточка, получаю по ней восемьсот граммов хлеба. Младший брат Володя целый день дома один. Просыпается, съедает всё, что оставила мама на день. В войну все были голодные, особенно дети. Дома делать нечего, и он уходил на улицу. Как-то раз слышу, за

фанерной стенкой мужской голос. Оказывается, приехал на побывку сосед, подполковник. Отдаёт распоряжение адъютанту, где разместиться. Потом началась разборка чемоданов. Понятно — привёз довольно много продуктов. Да, думаю, вот кому счастье привалило. Пошёл искать брата. Посмотрел, нигде нет. Зашёл в магазин. Вижу, он стоит у прилавка и смотрит, как отпускают хлеб. Женщина отходит и даёт брату довесок. Он захватывает его в рот. Ещё одна дала довесок. Тут Володя увидел меня, испугался. Мы вышли из магазина, и он съёл мне этот довесок. У меня ком застрял в горле. Не стал его ругать, пошли на бульвар. Долго сидели на скамейке. Я специально не хотел идти домой. Думаю, там пир идёт, а брат голодный. Вечером пришла мама. Она была уставшей, но радостной. Дали талон на ботинки брату и курточку для него же из старой, заштопанной в нескольких местах, солдатской шинели, с блестящими военными пуговицами. А ещё пришло письмо от отца с фронта. Зашла радостная соседка. Принесла щедрое угощение. Бывали и в войну радостные дни! Полученные ботинки были немного великоваты, но курточку брат послал до четвёртого класса. Володя окончил с медалью школу, Ленинградское высшее инженерное военно-морское училище, Академию имени Крылова. Служил на Северном и Тихоокеанском флотах. Ушёл в отставку в звании капитана первого ранга.

А я вспоминаю до сих пор тот довесок хлеба...

ПИСЬМА С ФРОНТА

1943 год

«Сообщаю, что жив, здоров. Награждён медалью «За отвагу». До этого получил две благодарности Верховного Главнокомандующего. Продвигаемся с боями на Запад. Видим все злодеяния фашистов на нашей земле. Ненависть придаёт нам силы и мужество. Уверенность в победе. Пишите чаще. Мы все ждём письма от родных и близких людей».

1944 год

«Жив, здоров. Направляю фронтовую газету, где опубликовано описание моего подвига, за который я награждён орденом Красной Звезды».

4 февраля. 1945 год.

(Последнее письмо — А.С.)

«Преследуем фашистов на их территориях. Германия получит по заслугам. И как завещание: — Сыновья мои, будьте честными и мужественными. Любите Родину. Берегите маму. Скоро конец войне. Надеюсь встретиться».

На следующий день отца не стало...

Пришла похоронка: *«Ваш муж и отец, Семён Михайлович Семёнов, проявив героизм и мужество, погиб смертью храбрых в бою за Родину. 5 февраля 1945 года. Похоронен в м. Пулвервиус, Северная Померания. Представлен к награде посмертно».*

Вскоре военком вручил маме орден Отечественной войны, для хранения в семье. Позже пришла посылка с письмом от фронтовых друзей, где писали, что, поднимая солдат в атаку, отец погиб и похоронен с почестями.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кроме отца, на войне погибли его дядя, брат, второй брат пропал без вести. До войны, ведя борьбу с фашизмом, в республиканской Испании погиб мой дядя, лётчик-истребитель, награждённый орденом Красного Знамени. Урна с его прахом установлена в стене на Новодевичьем кладбище. Тётушка, фармацевт по образованию, падавшая в обморок, когда резали курицу, в возрасте более сорока лет ушла на фронт и всю войну прослужила в армейском госпитале. Высылала нам офицерский аттестат. Окончила войну в звании капитана. Награждена орденами и медалями. Жена моя, Нина Васильевна — блокадник Ленинграда, потеряла маму и брата. Отец её вернулся без ноги, инвалидом... И так долгих четыре года война собирала дань за свободу и независимость не только нашей Родины, но и всей Европы, которая позже по чёрному отплатила за наши потери...

Елена ИВАНОВА

МАСТЕРА СТРЕМИТЕЛЬНОГО УДАРА

Елена Николаевна Иванова родилась в Оренбурге. Окончила факультет гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета. Работает научным сотрудником научно-экспозиционного отдела областного Оренбургского историко-краеведческого музея.

В выставочном комплексе «Салют, Победа!» (парк им. Фрунзе по улице Кирова) возвышается выразительная скульптура «Кавалерист». Установлена в память о подвиге воинов 11-й кавалерийской дивизии, которая начала свой боевой путь под Москвой и победно завершила его в Праге. А формировалась легендарная дивизия в Оренбурге.

В первый год Великой Отечественной войны в Чкаловской (Оренбургской) области были созданы две кавалерийские дивизии, которые получили наименование казачьих. Сегодня широко известен факт формирования в Чкаловской области в июле-августе 1941 г. 89-й кавалерийской дивизии из оренбургского казачества. В основном полки создавались из жителей сёл Татарская Каргала, Краснохолм и других близлежащих к городу районов. Поэтому в историческом формуляре дивизии местом её формирования значится г. Чкалов.

Дивизию заново (это было 2-е формирование) создавал полковник Михаил Иосифович Суржиков,

который ещё в годы гражданской войны сражался в ней рядовым. В те далёкие годы его, как лучшего бойца, направили на курсы красных командиров, а в Великую Отечественную войну М.И. Суржиков уже вступил командиром авиационной дивизии. Он искренне радовался, когда после первого ранения в начале войны ему было доверено формирование новой кавалерийской дивизии в Чкалове.

История воссоздания кавдивизии была очень интересной. Многие оренбургские казаки — участники гражданской войны, служившие ранее в 11-й Оренбургской казачьей кавдивизии им. Ф.М. Морозова, вступая добровольцами в 89-ю кавдивизию, просили восстановить расформиро-

Командир дивизии
генерал-майор
М.И. Суржиков

ванную в мае 1940 г. 11-ю Оренбургскую казачью кавдивизию. 11-я Морозовская была сформирована ещё в гражданскую войну, и уже тогда, 8 декабря 1919 года, в составе 1-й Конной армии С.М. Будённого освобождала Валуйки от белогвардейских войск

Деникина. Её первым начдивом был Ф.М. Морозов, имя которого дивизия сохранила в своём названии до Великой Отечественной войны.

Формирование дивизии началось 2 сентября 1941 г. по решению Государственного комитета обороны. А уже на 9 сентября в дивизии насчитывалось 424 человека, ранее служивших в 11-й Оренбургской кавди-

Группа офицеров 89-й (11-й кавдивизии) впоследствии 8-й кавдивизии. Слева направо:
В.Ф. Суворов, полковник
М.И. Суржиков, полковник
Б.С. Житов, председатель Оренбургского облисполкома Квасов, комиссар полка майор Медведев, комиссар дивизии полковник Балуда. Оренбург, 1941 г.

визии, в том числе 335 оренбургских казаков.

По ходатайству командования дивизии (командир — полковник М.И. Суржиков, начальник штаба — полковник Б.С. Житов) директивой заместителя Наркома обороны СССР от 29 сентября 1941 г. 89-я кавдивизия была переименована в 11-ю Отдельную кавдивизию им. Ф.М. Морозова. Переименование дивизии имело большое воспитательное значение. Политотдел казачьей дивизии развернул работу по разъяснению и пропаганде боевых традиций старейшего в Красной армии соединения. По казачьим районам области прошла волна митингов, партийных конференций и собраний, на которых производилась запись добровольцев в формируемые казачьи кавдивизии.

После переименования дивизии в неё хлынул поток заявлений казаков о желании служить в старейшем казачьем соединении. Только из 348-й стрелковой дивизии в 11-ю Отдельную кавалерийскую дивизию им. Ф.М. Морозова шло 262 казака. По окончании её комплектования

Миномётная батарея 256-го кавполка. 14 июля 1942 г.

80 процентов личного состава были бойцы, которые ранее служили в 11-й Морозовской дивизии.

В состав дивизии вошли 250-й Кубанский казачий кавполк (командир — полковник С.Г. Шаповалов), 253-й Азово-Черноморский казачий кавполк (командир — майор А.М. Климшин) и 256-й Терский казачий кавполк (командир — подполковник К.И. Мизерский), а также 161-й конно-миномётный полк (командир — майор С.И. Матыш).

За счёт местных ресурсов диви-

Занятия по боевой подготовке на Хамовницком плацу. Кавалерийская атака 4-го эскадрона 256-го кавполка. г. Москва, 1941 г.

Офицеры 8-й кавдивизии. 3-й справа гвардии генерал М.И. Суржиков, 4-й справа К.И. Мизерский, 5-й справа С.Г. Шаповалов

зия была укомплектована лошадьми, транспортом, снаряжением и обмундированием.

Чкаловская область отправила в её ряды сотни коммунистов. Среди них были Т.Г. Масютин, И.С. Дородников, И.В. Стародубцев, Р.И. Медведев, А.Т. Косенко. Среди Гайцов был А.А. Гайцов, уроженец села Вязовка Оренбургского района. В 1926 г. он был призван в армию, служил в 43-м кавалерийском полку 8-й кавалерий-

И.С. Дородников, капитан 11-й кавдивизии. 6 марта 1942 г. Москва

ской дивизии в качестве рядового. Окончил полковую школу этой дивизии, после чего ему было присвоено звание командира отделения. В 30-х годах учился в Харьковском авиационном училище, окончил его в 1932 г. В июне 1941 г. призван на фронт и откомандирован во вновь формируемую 11-ю кавдивизию им. Ф.М. Морозова командиром 3-го эскадрона 250-го кавалерийского полка.

22 – 24 октября 1941 г. казачью дивизию посетили представители Ставки Верховного главнокомандования: Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов и инспектор кавалерии Красной

армии генерал-полковник О.И. Городовиков. К.Е. Ворошилов произвёл проверку 256-го кавполка майора Б.С. Миллера и объявил личному составу благодарность. По его приказу дивизия получила официальное наименование «казачьей», и ей была выдана кубано-терская казачья форма, так как до этого времени была установлена форма одежды только для донских, кубанских и терских казаков.

Долгим и трудным был её путь. Получив боевое крещение в Подмошковой, дивизия сражалась на полях Смоленской, Калининской областей, в Белоруссии, на Украине, в Польше, дошла до Праги.

В ноябре 1941 г. 11-я Отдельная Оренбургская казачья кавдивизия была передислоцирована в район Барнабино Горьковской области, где прошла боевое слаживание и двухнедельную учёбу. 14 декабря прибыла в Москву и с 30 января 1942 г. вошла в состав 16-го кавкорпуса Московского военного округа, а после его расформирования в марте 1942 г. в 7-й кавкорпус, который до конца 1942 г. находился в резерве Ставки ВГК.

Вместе с тем дивизия была включена в состав действующей армии, о чём можно судить из перечня воинских соединений, участвовавших в войне.

Звёздным часом для дивизии стал бой за крупный железнодорожный узел Валуйки. На рассвете 19 января 1943 г. части 7-го кавкорпуса перешли в наступление на Валуйки. Для обеспечения операции по захвату города по приказу командира кавкорпуса был выделен танковый батальон с десантом из трёх лучших эскадронов 11-й Оренбургской казачьей кавдивизии под командованием заместителя командира дивизии полковника Г. И. Смирнова. Этими эскадронами командовали: 250-й кавполк – старший лейтенант Д. В. Москвич, 253-й кавполк – старший лейтенант П.В. Козлов, 256-й кавполк – старший лейтенант И.А. Григорьев.

Танковый десант с казаками ночью ворвался в Валуйки, захватил железнодорожный мост, разгромил штабы частей противника, оборонявших город, и отрезал пути отхода

Эпизоды боевой подготовки. Командование 256-го кавполка рассматривает маршрут движения полка на стрельбище в Мытищах (слева направо): начальник штаба полка капитан В. Суров, заместитель командира полка по строевой части майор Божанов, командир полка К.И. Мизерский, комиссар полка Прохоренко. Январь 1942 г.

Марш 256-го кавалерийского полка 11-й Морозовской кавдивизии из Москвы по Калужскому шоссе на фронт. Февраль, 1942 г.

противника на запад и юго-запад.

Жестокий бой выдержала кавдивизия при освобождении Волоконовки (40 км северо-западнее Валук). Особенно упорно здесь оборонялись эсэсовцы, засевшие в развалинах кирпичного завода. Фашистов подерживал огонь из дота. Именно в этом бою совершил свой подвиг старший сержант Тимофей Петрович Курочкин. Полку К.И. Мизерского, в котором служил Тимофей, было приказано ночным налётом захватить Волоконовку. Перед рассветом четвёртый эскадрон ворвался вслед за танковым десантом на окраину села и стал прорывать врага встретил его шквальным огнём. Пришлось залечь. В этот момент на левом фланге один боец кинулся к фашистскому дзоту. Это был гвардеец Тимофей Курочкин. Он бросил гранату, дзот замолк, но не подол-

го. Стоило нашим бойцам подняться в атаку, как пулемёт застрочил с новой силой. Тогда Курочкин бросился прямо на дзот, закрыв своим телом амбразуру. Пулемёт смолк. Бойцы без команды ринулись вперёд. Волоконовка была освобождена.

Т.П. Курочкин (справа) – гвардии старший сержант, Герой Советского Союза

За мужество и героизм, высокое воинское мастерство личного состава приказом НКО от 19 января 1943 г. 7-й кавкорпус генерала С.В. Соколова был преобразован в 6-й гвардейский кавкорпус, а 11-я Оренбургская казачья кавдивизия – в 8-ю гвардейскую кавдивизию (Приказ НКО от 19.01.1943 г.). В директиве Главупраформа КА № Орг/3/132498 от 17.02.1943 г., определившей новые номера для частей гвардейского соединения, была допущена грубейшая ошибка: наименование дивизии было дано с именем Павлика Морозова, не имевшего к ней ни малейшего отношения. Зашёл в историческом формуляре 8-й гвардейской дивизии всё ставит на свои места: «30 сентября 1920 г.... смертью героев пали доблестный комдив тов. Морозов, чьё светлое имя носит дивизия...»

При освобождении Харькова кавалеристы и танкисты совершили стремительный рейд по тылам врага, и, начиная с 1 февраля, за 5 дней прошли расстояние от Валук до Северского Донца, форсировали его и 8 февраля перерезали железную и шоссейную дороги Харьков – Лозовая. Таким образом передовые части дивизии подошли к Новой Водолаге и Мерёфе, завершив обход Харькова с юга.

В этих боях отличился эскадрон оренбуржца старшего лейтенанта А. Галочкина. Удар эскадрона был внезапным, стремительным. Когда фашисты подбросили для обороны станции состав с пехотой, миномётчики эскадрона накрыли поезд плотным огнём, нанеся большой урон. Отражая атаки танков и автоматчиков врага, бойцы эскадрона действо-

А.А. Галочкин – командир 3-го эскадрона 29-го гвардейского полка

вали героически. В документальном фонде ООИКМ хранится письмо жене и дочери командира 3-го эскадрона 29-го полка 11-й дивизии А.А. Галочкина от его коновода Н.П. Баляина, который сообщает о смерти любимого командира у д. Гнглино Харьковской области 8 февраля 1943 г.

Насмерть стояли кавалеристы и артиллеристы 6-го гвардейского кавкорпуса на дальних подступах к Харькову. 24 февраля 1943 г. в критический момент группа казачьих кавалеристов 33-го гвардейского полка под командованием заместителя командира эскадрона по политчасти старшего лейтенанта А.П. Воронцова перешла в контратаку и в жестокой схватке отбросила врага. Вскоре эскадрон вновь атаковал мотопехоту и танки противника. В этом бою старший лейтенант Во-

19/11/43 г.

Письмо Родины и Мико
 Уважением Суржика Андрея
 Александровича Восточного
 Зинаиды Васильевны и
 Фокиски Андрей Александрович
 Почитайте и Привет от
 Команды Андрей А. Восточного
 и Команды Васильева Мухом
 Васильева Николая Трофимовича
 Садоматова Зинаиды Васильевны
 Этого что выи Мухом Андрей
 Александровича Трофимовича
 Ковту Фрица Велесевича
 Томаса Велесевича Разорва
 ле на Мелкис Велесевича
 Николая Зинаиды Трофимовича
 Команды Велесевича Ружу и Локсута
 Мухомов Суржиком Фрица
 Трофимовича своим Команду

Зинаиды Васильевны и Васильева
 Трофимовича Мухомов
 Александровича и Дед Мухомов
 Мухомов Трофимовича
 Мухомов Васильев
 Пока Васильев Трофимович
 Команды Васильева Мухом
 Васильев Трофимович и Ф.

29/11/43 г.

Письмо с сообщением о гибели А.А. Галочкина

А.П. Воронцов - гвардии старший лейтенант

ронцов из противотанкового ружья подбил 3 танка. Когда бойцы Воронцова отсекали вражескую пехоту от танков, они перешли на рукопашную. Командир уничтожил пятерых фашистских солдат. В письме его боевой товарищ было сказано: «... старший лейтенант Воронцов погиб героически смертью храбрых, до последнего вдоха не выпуская из рук оружия». 10 января 1944 г. старшему лейтенанту А.П. Воронцову (посмертно) было присвоено звание Героя Советского Союза.

В общей сложности оренбуржцы уничтожили здесь 2 000 солдат противника, 5 000 солдат и офицеров взяли в плен, захватили 80 орудий, 57 пулемётов, 40 мотоциклов и много другого военного имущества. После захвата красными конниками станций Принцевки и Волоконовка противник лишился аэродрома с 78-ю боевыми самолётами.

Фотогазета «Мастера стремительного удара», хранящаяся в документальном фонде ООИКМ, свидетельствует, что за период с 14 января по 1 апреля 1943 г. дивизия пленила свыше 12 000 вражеских солдат и офицеров, в том числе 3 генералов и 4 полковников, захватила 741 грузовую автомашину, 1 500 вагонов и 26 паровозов, 46 складов с продовольствием и боеприпасами, более 500 лошадей, 18 радиостанций, 17 пушек, 13 танков и много другой военной техники.

В июне 1943 г. за отличное выполнение боевых заданий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками

8-й гвардейской кавдивизии было вручено знамя Верховного Совета СССР, которое сейчас хранится в коллекции «Знамена. Вымпелы» ООИКМ.

В августе-сентябре 1943 г. 8-я гвардейская Оренбургская казачья кавдивизия им. Ф.М. Морозова приняла участие в Смоленской наступательной операции. В результате массированного полёта более 100 вражеских самолётов дивизия понесла большие потери. Здесь погиб командир дивизии генерал-майор М.И. Суржиков.

2 февраля 1944 г. 8-я гвардейская Оренбургская казачья кавдивизия генерал-майора Павлова Д.Н. во взаимодействии с 121-й гвардейской стрелковой дивизией ворвалась в Ровно. За освобождение этого

Вручение знамени Верховного Совета СССР 8-й гвардейской кавалерийской дивизии им. Морозова. У знамени генерал-майор М.И. Суржиков и генерал-полковник О.И. Гороодников

состав 31-го гвардейского кавполка 8-й гвардейской казачьей кавдивизии принял в свои ряды отряд тувинских добровольцев в количестве 177 человек.

В боях за Дубно отличились казаки 29-го гвардейского кавполка. Более двух суток казаки вели ожесточённые бои с превосходящими силами противника на северо-западной окраине города. В этих боях личный состав полка уничтожил 10 танков, 4 самоходных орудия «фердинанд», 14 орудий, 20 пулемётов, 24 автомашины, более 800 солдат и офицеров противника. Отличные действия кавполка были отмечены специальным приказом командира корпуса.

При освобождении Венгрии, в боях за г. Дебрецен, отличился 29-й гвардейский кавполк. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 ноября 1944 г. за отличные боевые действия в Дебреценой операции 8-я гвардейская казачья кавдивизия им. Ф.М. Морозова была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

Освободив последний населённый пункт в Венгрии г. Балашдьярмат в конце декабря 1944 г., 8-я кавдивизия вступила на территорию Чехословакии, где в январе 1945 г.

небольшого, но значимого городка, ставшего в годы войны новой столицей Украины, кавдивизия получила почётное наименование «Ровненской».

В составе 8-й гвардейской казачьей кавдивизии им. Ф.М. Морозова вместе с оренбургскими и уральскими казаками беспощадно громили гитлеровских захватчиков тувинские добровольцы.

1 сентября 1943 г. в Кызыле состоялись проводы добровольческого эскадрона. После короткой подготовки во 2-м запасном кавполку в г. Коврове тувинский эскадрон прибыл в состав 6-го гвардейского казачьего кавкорпуса. 8 ноября личный

заняла оборону по восточному берегу р. Грон, обеспечивая с севера действия ударной группировки 2-го Украинского фронта.

5 апреля 8-я гвардейская казачья кавдивизия и 13-я гвардейская кавдивизия овладели городом Словакия Братислава и железнодорожным узлом Малацки, а 13 апреля – важным узлом дорог и сильным опорным пунктом немцев на западном берегу р. Морава – г. Годошич. За успешные боевые действия и освобождение городов Нитра, Галанта 8-я гвардейская казачья кавдивизия генерала Павлова Д.Н. была награждена орденами Суворова 2-й степени. Войну морозовцы завершили у стен Праги.

В мае 2005 г. героический подвиг земляков-кавалеристов был увековечен: скульптура «Кавалерист», авторами которой являются московские скульпторы-анималисты Р.С. Кириллова, В. Николаев, П. Панченко, получилась достойная – продуманная и гармоничная. На невысоком основании, имитирующем земляную глыбу, покрытую поникшей травой, величественно возвышается воин-всадник на коне. Лицо воина мужественное, устремлённое, серьёзное. Движение руки с шашкой говорит о готовности ринуться в бой с врагом. Копьё под седоком напряжено в движении вперёд, его хвост развевается на ветру. И люди, и кони шли в бой в едином порыве – это удалось передать авторам.

Сегодня в фондах музея хранятся фотографии, письма, документы, носимое обмундирование, оружие прославленных кавалеристов: бурка М.И. Суржикова, черкеска И.С.

Дородникова, будённовка Т.П., Курочкина, шапка Я.М. Катеева. Ценнейшим экспонатом является боевое знамя, которое Центральный музей Вооружённых сил передал Оренбургскому областному историко-краеведческому музею. Всё это является бесценным свидетельством подвигов оренбуржцев, сражавшихся в составе 8-й (11-й) гвардейской Ровенской дважды Краснознаменной ордена Ленина, ордена Суворова кавалерийской дивизии им. Ф.М. Морозова на фронтах Великой Отечественной войны.

Это одна из самых титулованных оренбургских дивизий. Молодое поколение должно знать, что оренбургская земля внесла значительный вклад в приближение долгожданной Победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Оренбургского областного историко-краеведческого музея. Материалы Оренбургского областного историко-краеведческого музея за 1986 г. – С. 1.
2. Воскобойников, Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Ростов-на-Дону, 2007. – С. 32-46.
3. Архив Оренбургского областного историко-краеведческого музея. Материалы Оренбургского областного историко-краеведческого музея за 1986 г. – С. 1.
4. <http://www.samsv.narod.ru>.
5. Самарин, М. Одинадцатая кавалерийская // Блокнот агитатора. 1970. № 13. – С. 25.
6. Биографические данные, записанные со слов жены А.А. Галочкина З.В. Галочкиной, однополчанина Н.Г. Горбунова. Архив Оренбургского областного историко-краеведческого музея. Материалы Оренбургского областного историко-краеведческого музея за 1986 г. – С. 1-2.

7. Воскобойников, Г.Л. Указ. соч. – С. 32-46.
8. Самарин, М. Указ. статья. – С. 25.
9. Перечни наименований объединений, соединений и других формирований Вооружённых сил, народного ополчения, гражданских ведомств СССР и иностранных формирований, участвовавших в Великой Отечественной и советско-японской войнах 1941-1945 гг. Справочник. М., 2005. – С.113.
10. Воскобойников Г.Л. Указ. соч. – С. 149-179.
11. Самарин, М. Указ. статья. – С. 26.
12. Богданова, Е.Г. Скудные строки фронтовых писем // Оренбургский край: история, традиции, культура: сборник. Оренбург, 2009. – С.99.
13. Россовский, В.П. Золотые Звёзды Оренбуржья. Биографический справочник. Челябинск, 1989. – С.91
14. Самарин, М. Указ. статья. – С. 26.
15. Ором (Оренбургский областной музей) – 14600. Фотогазета Главного политического управления Красной Армии. № 60, «Мастер стремительного удара». Май 1943 г.
16. Дудкина, Н.И. Музейные коллекции как отражение основных событий в истории области (на примере коллекции «Знамена. Вымпелы» ООИКМ) // Материалы областной научно-практической конференции «Край мой, гордость моя». – С.115.
17. Воскобойников, Г.Л. Указ. соч. – С.179-181.
18. Ором – 10850. Грамота Президиума Верховного Совета СССР о награждении 8-й гвардейской кавалерийской Ровенской дивизии орденом Красного Знамени.
19. Воскобойников, Г.Л. Указ. соч. – С. 204.
20. Ором – 10851. Грамота Президиума Верховного Совета СССР о награждении 8-й гвардейской кавалерийской Ровенской дивизии орденом Суворова II степени.
21. Ором – 7689. Знамя Верховного Совета СССР (По данным книги поступлений основного фонда ООИКМ).

Николай Александрович Толстиков родился в 1958 году в г.Кадникове Вологодской области. Служил в армии. Окончил Литературный институт имени А.М.Горького, работал в районной газете. Принял духовный сан, и более пятнадцати лет – священнослужитель храма Святителя Николая во Владычиной слободе города Вологды. Печатался в российских и зарубежных изданиях: еженедельниках «Литературная Россия» и «Наша Канада», журналах «Крестник», «Новый Берег», «Чайка», «Русский дом», «Наша улица», «Север», «Лад», «Южная звезда», «Вологодская литература», «Наше поколение», «Венский литератор», альманахе «Литрос». Автор нескольких книг прозы. Лауреат международных литературных фестивалей: «Дрезден-2007», «Литературная Вена-2008», Международного конкурса, посвященного 200-летию И.В.Гоголя, конкурса имени Ю. Дружникова на лучший рассказ журнала «Чайка» (США).

Николай ТОЛСТИКОВ

СОЛДАТ

Рассказ

Памятнику кто-то в последние времена подсоблял разваливаться. Исподтишка, но настойчиво. Расседались всё глубже трещины на постаменте, швы между составными частями скульптуры тоже всё больше расходились, будто злоумышленники расковыривали их монтажкой.

Памятник стоял в глубине заросшего сада, берёзки и тополя, ели и сосны заслоняли его от людских глаз. Только раз в году, весной, когда на ветвях деревьев лопались первые почки, народ сходил к сюда на митинг, возлагал к подножию простенькие венки с бумажными цветами. И до следующего мая в сад забегала лишь вездесущая пацанва да забредали озирающиеся вывихои, хоронились в высокой траве и там же, после возлияния, блаженствовали.

Однажды в дальнем углу сада забурчал, копая котлован, экскаватор, потом, заливая фундамент под дом, завозилась бригада приезжих рабочих. Стены из кирпича класть начали.

Люд в городишке, в последние времена припбленный беадене-

Василий Васильевич беспомощно потыкал куда-то в небо пальцем, из горла его вырвались невнятные мычание звуки, и мужчина-распорядитель, заметив неладное со старичком, подошёл к нему, тая на своей холёной физиономии сожалеюще-презрительную ухмылку:

— Устал уж вам всем объяснять — на реставрацию «братшкю» вашего отправления! Починят, отполируют — будет блестять, как котывы яйца!

Василий Васильевич поуспокоился, через некоторое время сам недоумевающим знакомым стал с уверенностью говорить, что памятник-де в капремонте, а это дело долгое. Лучше уж верить в чьи-то слова, чем изводиться домыслами и предположениями...

Полетел первый снежок; как-то Василий Васильевич брёл, скукожась от ледяного ветра, из магазина домой. Приключилось с ним дело стариковское, не теряющее отлагательства, короче, свернул он за угол. Смеркалось, но прохожего люду навстречу попалось немало, и все знакомые, это тебе не в чужом городе, к стволу любого дерева не прижмёшься. Место, где приспичило старика — здание администрации, тут же на первом этаже отделение милиции. Да что поделаешь! Колыхалов на всякий случай пробрался подальше в глубину глухого, огороженного высоким забором дворика и... обмер, заметив возле широкого рундука ментовского нужника припорошённого снегом лежащего человека. Вон, и черты лица явственно проступают сквозь снежный саван. Василий Васильевич рукой смахнул с памятника снег, вздохнул горестно, но сколько ни пытался поднять памятник, так и не смог, даже пошевелить его силёнок не хватило.

Колыхалов, обессилев, опустился прямо на землю рядом, закрыл своё лицо озябшими ладонями.

Его логонько потряс за плечо милиционер:

— Дедуля, не своровать ли солдата-то на цветмет намылится?..

Валентина Александровна Головина родилась в Кувандыкском районе. Окончила исторический факультет Оренбургского педагогического института, по распределению была направлена в Адамовский район. Живёт в посёлке Адамовка, работает учителем истории в средней школе № 2. Постоянный автор альманаха «Гостинный Двор».

Валентина ГОЛОВИНА

ЭКСПЕДИЦИЯ «ЗВЕЗДА»

Круглые числа в календаре по привычке будоражат мысль: что было 10, 15, 20... 35 лет назад? События в стране неизбежно проецируются на личную биографию. Их ревизия вызывает либо угрызения совести, либо радостно волнует, иной раз вовсе ничем не помнится. Зима прошлого года безжалостно морозами давила людей. Казалось, что весны не дождёмся. Перебирались в памяти морозные зимы, пытаясь обнадежить, что пережили и не такое. Например, зима 1975 года тоже очень неласковой явилась оренбуржцам. Помнится вечерний пустой троллейбус, в котором кроме меня и водителя был только холод: промёрзло всё, что могло сжаться от низкой температуры. На заиндевелем окне какой-то несчастный выцарапал слова «Меняю чемодан на валенки»...

А у нас в придачу к холодам была сессия. На истфаке в пединституте студенты всех курсов как заклинание повторяли: «Вот сдадим все экзамены, и с души упадёт «век желез»

ный», «век каменный» и по «бронзе» зачёт...» На сей момент мы сдавали непонятную политэкономия и что-то ещё, а после заслуженных каникул собирались на школьную практику. Вместе с однокурсниками мне пойти в школу, однако, не пришлось. Опоздала я на несколько дней, так как невидимой рукой судьба ввергла меня в приключение.

Сегодня это уже маленький эпизод истории, одно из совместных мероприятий обкома комсомола, областного совета по туризму и газеты «Комсомольское племя». В конце января один из наших студенческих начальников предложил мне «покататься» на лыжах от Оренбурга до Бузулука, вернее, в обратном направлении. В ту пору ещё были в моде агитпоходы. Вот к предстоящему 30-летию Победы в Великой Отечественной войне и была задумана лыжная экспедиция «Звезда». Участниками её стали студенты оренбургских вузов. Долго ли готовилась та лыжная эпопея, не знаю, только выйти на старт предполагалось уже первого февраля. Всего путешествие было рассчитано на 16 дней. Замысел казался интересным: от западной границы области до Оренбурга пройти на лыжах через 13 населённых пунктов, встретиться с участниками войны, труженниками тыла, записать их воспоминания. Кроме того, следовало прочесть ряд лекций и дать несколько концертов для населения, то есть провести агитационную работу — привлечь внимание к предстоящему юбилею Победы.

Компания для перехода набиралась сплошь мужская, приглашены были лишь две девушки. Замагичиво—

отчаянно по морозу испытать свои силы, в намечаемом проекте ощущалась романтика и некоторая авантюра! История закрутилась быстро, ожидание новых впечатлений сбывалось с толку. Поначалу как-то отошло на второй план предполагаемое знакомство с военной историей. Рушились обычные каникулы. Родители мои обеспокоились безумной затеей дочки, утешало их только то, что в отряде их чадо будет не единственной барышней, что валенки и тёплые носки в рюкзаке поместятся обязательно. Посовещались они и отпустили на все западные ветра. Мою подкорку, между тем, точил внутренний страх, что в пути я упаду, замёрзну, отстану, сломаю лыжи и потеряюсь в метели, словом, пропаду. Из трёх качеств «кавказской пленницы Нины» у меня было в наличии только одно — комсомолка. К назначенному дню выяснилось, что вторая барышня — потенциальная лыжница, отказалась от похода. Мне деваться было некуда — слово дала, теперь готовь варежки и носовые платки. Позднее стало понятно: описать поход легче, чем бежать более двух сотен по лыжне. Тем не менее, получены инструктаж, штурмовка, определён размер лыжных ботинок.

Старшим по жизни и комиссаром отряда, то есть фактически руководителем экспедиции, стал корреспондент областной газеты «Комсомольское племя» Валерий Нуждин — невысокий улычивый парень, чем-то похожий на певца Э. Хилыя. Командиром отряда назначен был студент ОГПИ Владимир Майцев. Подготовительная суета завершилась, и вот первого февраля десять

Члены экспедиции «Звезда» у Вечного огня в саду им. Фрунзе, г. Оренбург

самой станции Колтубановки ребята не сомкнули глаз. Говорили о завтрашнем дне, о людях, с которыми предстояло встретиться нам...»

Спустя 30 лет после войны ещё было с кем встретиться из её участников, было кого послушать. Рядовые Победы и командиры жили рядом с нами, были нашими родителями. В давней песне Френкеля и Табачникова предполагалось, что

*«об огнях-пожарищах,
о друзьях-товарищах
где-нибудь, когда-нибудь
мы будем вспоминать...»*

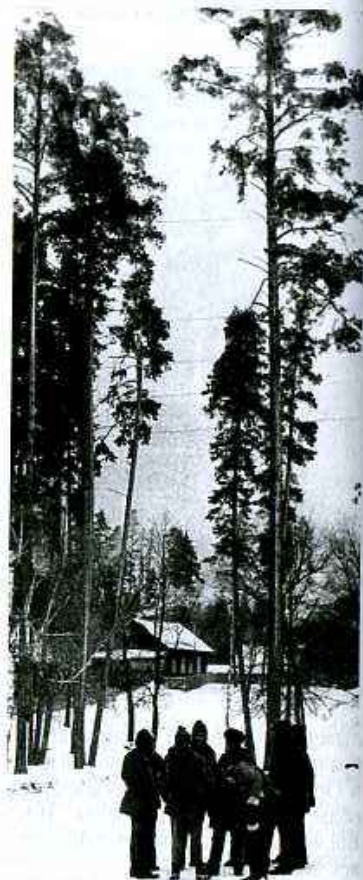
И вот это «когда-нибудь» наступило: сразу после войны воспоминания горчили, как сама война, с течением лет в них пошемягу добавлялся пафос. Доля правды и выдумки в рассказах зависела от того, кому и где были адресованы слова о пережитом. Дети ждали обычно рассказов о подвигах, их воображение равнялось на киношных разведчиков, лёгчиков, снайперов, без усталости развивших врага. Да и нам, студентам, хотелось услышать о смелых людях, чтоб каждый фронтовой момент был назван героическим и отмечен был наградой. Ожидания слушателей и суровая реальность часто не совпадали. О друзьях-товарищах ветераны говорили охотнее, чем о себе. Мемуары писали поначалу лишь полководцы, рядовые бойцы крайне редко брались за перо. Ныне, когда минуло уже 65 лет со дня победы,

лыжников в полной экипировке собрались на площади имени Ленина в Оренбурге. Здесь от председателя областного штаба ветеранов Н.Б. Борисова получили напутствие и поисковое задание.

Валерий Нуждин кроме основных организационных дел должен был вести репортажи по ходу маршрута. Первые его строчки в сохранившихся вырезках из газеты «Комсомольское племя» сообщали, что не все ещё из членов экспедиции были хорошо знакомы друг с другом. «Но вот поезд Оренбург — Куйбышев громыхнул вагонами, набрал скорость, и всё как-то быстро встало на свои места. Поезд мчал нас на исходную точку маршрута. Нас — десять... До

широко известна и «лейтенантская» проза, и воспоминания солдат. Например, в «Литературной газете» (№ 28, 2010 г., «Крик») Анатолий Генатулин подметил: «Наверное, я, последний рядовой окопник, ставший каким-то дуриком писателем, пишу о войне, хочу высунуться напоследок из окопа и крикнуть: господи, я ещё жив!» В 70-х годах главная правда ещё не была сказана фронтовиками. Верилось, что запомнить детали рассказа можно будет на всю жизнь. Оказалось, память избирательна. Восстановить подробную картину будней могли дневники, только кто же их вёл в окопах? Ольге Берггольц принадлежит выражение «Никто не забыт, и ничто не забыто». Можно лишь приближаться к этому желаемому состоянию души. Её слова — наказ будущим поколениям, обещание верности павшим в боях и сражениях.

Итак, что же могли десять студентов записать при встрече с ветеранами — только самое малое, самое яркое. Встречи предполагались с известными в том или ином селе людьми. Можно сказать, что походный поиск был символическим по сути. Тем не менее ребята старались, и уже к середине пути было записано 30 рассказов о героических делах оренбуржцев в тяжёлые годы испытаний, отсыято 20 фотокассет, 100 метров киноплёнки о походе. В конце путешествия собрали записей ещё больше. Кто и где их обрабатывал позднее, мне неизвестно. В руках остались малые черновики, любительские съёмки — и то, и другое сегодня убеждает: встретились нам на всём пути люди уникальные.

Посёлок Колтубановский,
2.02.1975 г.

Второе февраля 1975 года было морозным и ясным. Этот день наш отряд «Звезда» провёл в Колтубановском — замечательном посёлке среди Бузулукского бора. Все мы видели бор впервые. Могучие сосны стремились в небеса, разбежались по посёлку хаотично, чувствуя себя хозяевами местности. Дома и засне-

женные избышки приютиться под защитой хвойных великанов.

«Начало философии — удивление», — говорили древние греки. Восхищение необычной картиной посёлка предопределило осмысление подвигов его жителей. В таком месте должны жить красивые и мужественные люди! Конечно, мы не стучались в каждую дверь в поисках собеседников. Программа встреч была составлена заранее. Теперь уже по заметкам В. Нуждина вспоминается, что «...В Колтубановском каждый школьник знает о подвиге Ивана Карханина, закрывшего телом вражескую амбразуру. А сколько их, ещё совсем молодых ребят из этого посёлка, пало на полях сражений? Их имена начертаны на обелиске, поставленном земляками. Школьники бережно ухаживают за этим памятником. К тем же, кто вернулся с фронта, — внимательны и участливы. Ведут альбом поиска. Там — имена Чичаевых, Александра Степановича и Василия Васильевича, Ивана Михайловича Дуденкова и Идриса Алимовича Сафарова, Перцева Корнея Савельевича и Пятеримова Василия Дмитриевича, Сенчевой Елены Константиновны и Васильевой Анастасии Сергеевны и многих, многих других». Всех увидеть не довелось, а об одной встрече расскажу, она особенно запомнилась.

В небольшой уютной комнате, очень светлой и тёплой, встретила нас хозяйница посёлка Надежда

Н.И. Разумова (Кочерга)

Иосифовна Разумова (Кочерга). Ребята расселись вокруг стола, разложили блокноты и ручки. Хозяйка тоже приготовила книги и газеты. Её негромкий голос слегка дрожал, волнение выдавали глаза. Рассказ женщины, ещё не старой, но видно, уставшей от болез-

ней, был об участии её в партизанском движении в Белоруссии. Наши географические познания рисовали себе в мыслях болотистое Полесье, чавканье воды под ногами партизан, идущих на задание по гатам, разрывы снарядов. Кажется, лес надёжно скрывал людей, ведь он в Минской области гораздо гуще, чем бор в Колтубановском. Древних славян, живущих у Березины, называют историки дреговичами от слова «дрягва» (болота). Может быть, отсюда же и вечная дрягва — тревога? События военных лет в тех лесах были замешаны на более жуткой тревоге — оккупации.

Н.И. Кочерга воевала в партизанской бригаде «Дяди Коли». Эта хрупкая черноволосая женщина была бы нам в годы войны ровесницей, и выпало на её долю тогда немало испытаний. При упоминании о «дяде Коле» — Петре Григорьевиче Лопатине, голос Надежды Иосифовны задрожал: «Нет больше Лопатина, совсем недавно скончался наш Пётр Григорьевич, в 1974 году». Тогда слушали мы рассказчицу на одном

П.Г. Лопатин, Герой Советского Союза, командир партизанской бригады «Дядя Коля»

дыхании, записали мало — казалось, что подробности партизанских будней zapomnim, или, вернувшись в Оренбург, сразу прочтём в книжке. Однако восстановить историческую картину хотя бы приблизительно удалось лишь гораздо позднее. Восстанавливая ход событий, уточним факты: Герой Советского Союза П.Г. Лопатин партизаном стал ещё в начале войны, через год оказался в Минской области. Его партизанская бригада была одной из самых больших и боеспособных в Полесье. К 28 июня 1944 года — к моменту соединения с частями Советской армии она состояла из семи отрядов (1 042 партизана). «На её боевом счету было 132 слупленных эшелона, 288 уничтоженных автомашин, 9 танков, 6 самолётов, взорвано 32 склада, 8 мостов, электростанция...» — это уже сегодня Интернет сообщает статистику. Партизаны Борисово-Бегольской зоны удерживали под контролем северные районы Мин-

ской области. Была известна поговорка, что в Белоруссии «земля — крестьянская, леса — партизанские, шоссе — немецкие, а власть — советская». Участки дороги Борисов — Логойск, Бегомль — Земблин, Лепель — Борисов и другие постоянно выходили из строя из-за диверсий народных мстителей. По шоссе немцы тоже боялись ездить без охраны. Под контролем партизан находился участок реки Березины между местечком Березино и озером Палик, и дальше до города Борисова (то есть более 50 километров), важного стратегического объекта. У «дяди Коли» в составе бригады сражались дерзкий отряд «Гром» Героя Советского Союза Ф. Озмителя, отряд им. Н. Гастелло, в составе которого в декабре 1942 г. погибла юная Римма Шершнева, состояла в той бригаде и героиня-разведчица Надежда Троян.

Надежда Иосифовна Разумова (Кочерга) рассказывала о командирах, о боевых товарищах как о своих близких людях. Летом 1944 года её тяжело ранило. О сражениях бригады и всего партизанского соединения лучше прочесть, по её словам, в книге Романа Наумовича Мачульского «Вечный огонь: партизанские записки*». Книга издана была большими тиражами трижды, а сегодня является уже библиогра-

* Издательство «Беларусь», Минск, 1969 г., стр. 452 — 454

фической редкостью. Командир соединения Р.Н. Мачульский, Герой Советского Союза, в одной из глав описывает тяжёлые бои, которые выдержала бригада «Дяди Коли» в мае — июне 1944 г. Немцы решили наконец уничтожить «партизанскую республику». Они перешли в наступление и стали теснить бригаду в болота в районе озера Палик. Выход у партизан был один — прорываться. В окружении оказался и штаб соединения. Позволю привести строчки из воспоминаний Мачульского: «18 июня в 9.00 над нашим «пяточком» у оз. Палик появились вражеские бомбардировщики. Бомбёжка продолжалась свыше часа. Не успели последние самолёты скрыться за горизонтом, как началась артиллерийско-миномётная подготовка, которая не прекращалась до полуночи. Среди партизан и мирного населения, находившихся в это время на болоте, появилось много раненых и убитых. Несколько снарядов и авиабомб разорвалось в расположении штаба соединения», т.е. там, где служила радисткой Надежда Иосифовна. Полностью прочесть «партизанские записки» Р.Н. Мачульского мне так и не удалось, однако страничку, где говорится о Н.И. Разумовой (Кочерга), записала. Лучшее командира никто не скажет о боях.

«Фашисты продигались по болоту медленно, толпой, не подозревая, что ря-

дом находятся партизаны. Подпустив гитлеровцев на близкое расстояние, мы открыли по ним огонь. После короткого боя противник отступил. В минуту затишья раненых переносили на новое место. Мы устраивались на ольховых корнях. Приходилось пить мутную болотную воду. Раны перевязать было нечем. Люди голодали. Питались корнями болотной травы.

Уже восьмые сутки под непрерывным огнём, в одних гимнастёрках, лежали мы в болоте, отбивая атаки врага. В других местах партизанской зоны также не прекращались ожесточённые бои. Группа партизан из бригады «Дяди Коли» в рукопашной схватке отбросила гитлеровских автоматчиков, пытавшихся прочесать лес. Один солдат был взят в плен. Его привели ко мне. Он с ужасом смотрел на партизан, испачканных грязью.

— Нам сказали, что на болоте никого в живых не осталось. Мы пошли смело.

— А почему вы на прочёску болота ходите толпой, а не цепью? — спросил я.

— Так лучше. — Немец смущённо опустил глаза.

Эх, воюки! Даже сейчас, когда карателей раз в двадцать больше, чем партизан, они боятся сунуть

Надежда Кочерга (довоенный снимок)

Характеристика

Во партизанку отряда им Гастелло партизанской бригады «Дядя Коля» Кочерга Надежда Кочергина

Кочерга Надежда, родилась 1930 года рождения, украинка, или белор., белоруская 1942 года прибыла в-но линии фронта в отряд им Гастелло.

13 марта 1943 года по приказу штаба бригады была переведена в отряд «Буря»

За время пребывания в отряде участвовала в следующих боях отрядных:

Участвовала в подрыве двух вражеских эшелонов, в речевой войне, в боях с немцами в г. Липки, в засадах, где были уничтожены 19 немецких солдат в Стрелице.

В августе 1943 года была переведена в Минский Отком КЛОН, участвовала в боях с немцами оккупировав два раза, в последний была ранена. Имеет многократные осколочные пулевые ранения, экзостозы септис.

За время пребывания в отрядах была неоднократно награждена:

Командир отряда им Гастелло Око. Шинь

Командир отряда им Гастелло

Наг. Шинь 1/10/1941

им. Гастелло

Характеристика на партизанку Н. Кочергу

нос в болото, ходят толпой, чуть ли не держась за руки. Партизаны издали определяли направление движения того или иного вражеского подразделения, отползали в сторону, пропуская карателей в глубь болота, а потом окружали и расстреливали сгрудившихся гитлеровцев.

Партизаны оказывали отборным фашистским подразделениям героическое сопротивление. В одном из боёв с карателями особо отличилась работница штаба соединения Надежда Кочерга. Я хорошо знал эту черноглазую двадцатилетнюю комсомолку. Весной 1942 года она явилась в военкомат и попросила направить её в действующую армию. После окончания спецшколы Надю направили в тыл оккупантов, в Минскую область, куда она прибыла в конце августа 1942 года. До августа 1943 года Надя находилась в бригаде «Дяди Коля» в составе молодёжной группы подрывников. Она лично спустила под откос пять вражеских эшелонов. (К слову надо сказать, что взорванный эшелон записывали в бригаде на того подрывника, кто ставил мину. Так было заведено у партизан. В подрывной группе, конечно, Надя ходила на задание не одна, но не боялась иметь дело с «адской машиной» (миной — В.Г.). В августе 1943 года Надю взяли в штаб соединения, где она возглавила группу радистов. Все уважали её за скромность, деловитость и отвагу. Надя служила примером в поведении, она бережно хранила любовь к парню, сражавшемуся на фронте. За ней пытался было уха-

живать радист Алёшка, но она его так отчитала, что тот навсегда оставил свою попытку завоевать сердце девушки.

После этого Алексей уважительно говорил о Наде:

— Счастье, у кого такие невесты!

Во время боёв в тесном кольце окружения на болоте у озера Палик Надя с группой партизан обороняла небольшой островок. Каратели трижды штурмовали его, но так и не смогли добиться успеха. Во время четвёртой атаки девушку тяжело ранило, она уже не могла держать автомат. Ворвавшись на островок, гитлеровцы увидели партизанку, лежащую около кустика. Надя нашла в себе силы поставить на боевой взвод последнюю гранату и бросить её под ноги солдат. Пять карателей свалились на землю замертво. Рассвирепевший от ярости гитлеровский офицер подскочил к девушке и разрядил в неё свой парабеллум... Через пять дней партизаны снова захватили остров. К своей великой радости, они увидели Надю; после невероятных мучений она была ещё живой! Партизаны пустили на бинты настоящие рубашки и перевязали раненую девушку. На её теле было 18 осколочных и пулевых ран. Надя находилась в тяжелейшем состоянии. Но мужество её не покидало, она терпеливо переносила боль.

Терпение... Мне приходилось слышать много разговоров о том, что терпение, мол, дано русскому человеку от природы. Не знаю, может быть, это и так. У меня же на сей счёт другое мнение. Терпе-

ние — качество бойца... Вспоминаются рассказы командира партизанской бригады имени Кирова Алексея Ивановича Шубы, по специальности врача-хирурга. После боя он нередко занимал место в партизанском госпитале у операционного стола, делая сложные операции, возвращая бойцов в строй. Нет нужды говорить о том, что условия для операции были неподходящие: не хватало инструментов и медикаментов, почти не было обезболивающих средств. Алексей Иванович говорил, что партизаны мужественно переносили боль, заявляя командиру-хирургу:

— Режьте смелее. Боль нам не страшна, лишь бы поскорее поправиться.

Такой была и Надя Кочерга. Ей придавало силы страстное желание вернуться в строй. В борьбе за жизнь девушка одержала победу».

Однажды, говорят, Р.Н. Мачульский очень резко отозвался о повести Василя Быкова «Мёртвым не больно». Он назвал писателя «американцем» и сказал, что расстрелял бы его. В его представлении «окопная» правда В. Быкова — ложь и клевета. Повесть рисует жуткие картины в сумятице войны: «особист» капитан Сахно расстреливал в суматохе окружения раненых красноармейцев. Писатель был фронтовиком, испытал её ужасы и пред-

Н. Кочерга — партизанка бригады «Дядя Коля»

ставил в повести свою правду. Возмущение Мачульского тоже имеет основание: боевое братство в его партизанском соединении было однозначным понятием. И примеры поведения в бою, и спасение Нади — тому подтверждение — мужественную девушку не бросили на погибель. В партизанской бригаде «Дядя Коля» не было людей, подобных Сахно. В мемуарах Р.Н. Мачульский вспоминает эпизод лета 1944 года — разговор во время сражения с комбригом Лопатиным.

— «Тяжело, — заявил «дядя Коля». — Но наши держатся стойко. Особенно хорошо действуют молодёжь. Настоящие орлы!»

Отряды бригады «Дядя Коля» в то же время выдержали оборону у местечка Маковье Мстижского сельсовета Борисовского района, то место так и называют Маковым полем. Только здесь погибло в мае — июне 1944 г. более 600 партизан. В те дни там же погиб уроженец Мартуского района Актюбинской области, почти наш земляк Герой Советского Союза Фёдор Озмитель. В декабре 2009 года у братской могилы на Маковом Поле был открыт памятник героям бригады «Дядя Коля», создан музей в Борисове. На одном из стендов музея помещена фотография юной Н. Разумовой (Кочерги). Соединение

Братская могила партизан бригады «Дядя Коля» на Маковом поле

Р. Мачульского удерживало оборону до 27.06.1944 г. Затем с началом общевойскового наступления советских войск «Багратион» началось массовое изгнание врага с территории Белоруссии. 16 июня 1944 г. состоялся парад в Минске в честь освобождения города. Надежда Кочерга в строй уже не вернулась, ей предстояло долгое лечение. В те же дни был тяжело ранен и командир соединения Р.Н. Мачульский. Умер он в 1990 г.

Как сложилась дальняя жизнь Надежды Иосифовны Разумовой, мне неизвестно. Книжку «Вечный огонь» Мачульского она берегла как святыню, в ней был ответ на вопрос, «что ты делала в оккупации?».

В тот день, потрясённые услышанной историей, мы могли лишь полистать её книги, газеты, сфото-

графировать на память с Надеждой Иосифовной у дома.

Валерий Нуждин читателям «Комсомольского племени» обещал чуть позднее подробнее рассказать о судьбе Н.И. Разумовой, но я не знаю, сделал ли он это. Компенсацией обещания может быть приведённый выше отрывок из мемуаров Мачульского. К сожалению, не запомнилось, где родилась отважная партизанка, и как она оказалась в посёлке Колтубановском.

Подробности могли бы рассказать краеведы села, которые чаще общались с Надеждой Иосифовной. У меня осталась лишь фотография, её я много раз показывала на уроках ученикам, когда речь заходила об истории партизанского движения.

В сумерках, когда по гостям ходить было уже поздно, всей компанией отряд «Звезда» отправился

В музее героев партизанской бригады

Памятная встреча. Слева направо: О. Кондрашов, В. Никитин, Н. Разумова (Кочерга)

Беседа с участником Великой Отечественной войны И.У. Радаевым

гулять по посёлку. Мороз крепчал, в воздухе стояли ровные, как сосны, световые столбы, казалось, что самих сосен стало больше. На заснеженный посёлок опустилась тишина. Теперь можно было попробовать

встать на лыжи, покататься с холмов между сосен, пробежаться по окраине. Первый день похода, информационно насыщенный, наполненный впечатлениями, подходил к концу. Что-то будет завтра? Наутро предстояло двигаться к Бузулуку.

К вечеру третьего февраля мы приближались к районному центру. Бузулук встретил радушно «звездную» экспедицию. Новые встречи, волнующие рассказы, имена. Среди них И.У. Радаев, И.Ф. Кадлец — ветеран Чехословацкого батальона, герой тыла. Взаимно звучали слова благодарности. Молодые люди благодарили за мир, за жизненные подвиги, интересные рассказы. Ве-

тераны, убелённые сединами, благодарили за внимание, память, желали доброго пути.

Вечером ребята собрались на планёрку — комсомольское собрание. Стоило обсудить первые собранные материалы и решить, как начинать агитационную работу, например — «Даёшь концерт!». В селе Погромном состоялся первый концерт-экспромт. Дело было в маленьком клубе. Атрибуты артистов, пробежавших пару часов назад 25 километров по выжженной степи, — штормовки, гитара и песня от души. У Павла Отчиченко нашлись в запасе хорошие стихи. Профессионалов-артистов среди нас не было, но первое выступление уда-

Члены экспедиции в с. Тоцком, в воинской части

лось. А кроме этого мы читали лекции, проводили беседы в школах, ГПТУ, Домах культуры. Темы лекций актуальны — о подвиге комсомольцев Оренбуржья в годы войны. Как пригодились первые встречи с ветеранами!

Школьники слушали с интересом, задавали много вопросов. Не каждый день к ним забегают лыжники с лентой через плечо «Лыжный агитпробег «Звезда» — 30-летию Победы». В нас рождались по ходу дела ораторы, певцы, чтецы. Обязателен был встречный вопрос: «Как ваша школа готовится к юбилею Победы?». Беседы в школах затягивались надолго, ведь все альбомы не перечтёшь, всех витрин и экспонатов школьных музеев не пересмотришь.

Почти в каждом селе, в городе мы становились в строй у памятников и обелисков. Звучала команда «Смирно!» — минуты молчания,

минуты памяти и благодарности. Чувства были искренними. В свободное время шестестли блокноты, перечитывались подаренные газеты, по свежей памяти правились записи. Интересным было посещение воинской части в Тоцком, где более всего понравилась столовая. Для парней, прошедших армию, это не впервой, а для большинства из нас было любопытно отведать солдатской каши.

«Комсомольское племя» строчками Валерия Нуждина зафиксировало и такой эпизод: «Незабываемая встреча произошла у посёлка Кирсановка Тоцкого района. Не доходя полтора-два километра до само-

Встреча со школьниками у посёлка Кирсановка Тоцкого района

го посёлка, мы повстречали группу лыжников. Это были учащиеся старших классов Кирсановской средней школы, вышедшие в точно таком же количественном составе, как и отряд «Звезда» (девять юношей и одна девушка), нам навстречу. Рукопожатия, радостные улыбки и совместный стремительный бросок до школы, где уже поджидали нас учащиеся и ветераны войны, с которыми у школьников поддерживается крепкая связь». В тот день буранило, и ребята здорово помогли нам. Они разгрузили наши рюкзаки, в которых кроме личных вещей у каждого были валенки, книги, фотоаппараты, аптечки и прочее, тянувшее плечи. Экипировка, словом, лёгкой не была, поэтому школьникам мы были рады.

Всего нам предстояло пройти 275 километров до финиша. Усталость и голод к концу ежедневного пути давали себя знать. Но постоянный мажор в группе поддерживался каждым. Без юмора турист — не турист. И поневоле все мы улыбались, слушая на лыжне шутки Паши Отчиченко, вечером его же песни под гитару. Без улыбки нельзя было смотреть на взрослых сильных парней, прильнувших к тёплой пещке. Тёплое блаженство растекалось по лицам. Тут уж не моргай: один свитер, расслабившись, прожгли! Поломали и пару лыж в пути — не без этого! Погода отнюдь не баловала. Но ребята преодолели и 35-градусный сорочинский мороз, и штормовую вьюгу последнего 50-километрового дня через сыртинские высоты. Ветер в тот день дул попутный, склоны были скользкими, на плотном снежном

насте лыжни не получалось. Обычно прокладывали её вдоль дороги, и теперь вереница лыжников пыталась следовать так же, однако лыжи скользили, как придётся. Порой со смехом выходили на саму трассу — здесь можно было раскинуть руки, и ветер мчал путников, как на парусах. Правда, удержаться на ногах было трудно, а падать всё-таки больно. Хоть садись на лыжи и катись. На этом участке пути между нами не было различий — и разрядники, и лыжники-любители ехали, падали и смеялись одинаково.

И вот они — Холодные Ключи на горизонте. До Оренбурга, кажется, рукой достать, а ногами уже не дойти: вечер. Тут нас никто не встречал, и мы отправились на вокзал железной дороги. Ночевать в холодном помещении было неудобно, решили, что не будет греха, если доедем до города на поезде. Так и сделали. Лыжи вмиг стали лёгкими, а валенки — самыми мягкими. На этом отрезке пути, как и вначале, никто не спал. Смотрели друг на друга и улыбались: причудливые пятна обмороженных щёк и носов обещали долгие воспоминания.

Меня, одну из всей компании, ожидала школьная практика, и пугали не только конспекты предстоящих уроков, но и необходимость тщательно маскировать щёки... Пора назвать удивительных ребят из этой экспедиции: Валерий Нуждин — собкор «Комсомольского племени», будущие педагоги Владимир Мальцев — наш командир, и Павел Отчиченко — фотокорреспондент, шутник и балагур, гитарист и знаток поэзии Валерий Никитин, Владимир Осокин, Ана-

толий Карякин — студенты сельскохозяйственного института, Мирал Кудакбаев и Виктор Кондрашов — из медицинского, Александр Балинов — из политехнического института. В 1975 году ещё не было университетов и академий в Оренбурге — просто институты. И ребята подобрались без апломба, добрые по характеру. С одинаковым вниманием и товарищеской помощью на лыжне они выручали друг друга в пути. Терпели и меня — «слабое звено» в команде, за что им большое спасибо! Экспедиция «Звезда» — всего лишь небольшой штрих в истории и осталась в памяти только её участников. Павел Отчиченко на лыжах каждого напоследок написал «Понск — 30. 1941 — 1945». По приезде в город лыжи мы сдали, записи и катушки фотоплёнки собрали в один рюкзак, и по домам. Собраться ещё раз не пришлось. Недавно у Л. Гумилёва прочла, что студенты — самый ленивый и занятой народ. Наверное, так и есть, тем более что все мы были из разных вузов. Наш «звёздный» поход, видимо, не был в тот год единственным. Когда Валера Нуждин передал мне фотографии после публикации их в газете, среди них оказалась чужая — тоже лыжники с рюкзаками. Но это была другая компания...

От редакции. На наш запрос главный хранитель фондов Бузулукского краеведческого музея Ольга Осецкая сообщила, что в экспозиции, рассказывающей о вкладе бузулукчан в победу над гитлеровскими захватчиками, находится фотография Надежды Кочерги и книга Р.Н. Мачульского «Вечный огонь». На-

дежда Иосифовна Разумова (1920 — 1976 гг.) переехала на постоянное место жительства в посёлок Колтубановский Бузулукского района в середине 50-х годов со своей матерью и тремя дочерьми. Мать вскоре умерла. Надежде Иосифовне, инвалиду войны I группы, пришлось одной растить и воспитывать детей. Она бралась за любую работу — была страховым агентом, разнорабочей на лесном питомнике, телефонисткой в управлении лесного хозяйства. Дочери успешно закончили Боровую среднюю школу, уехали из дома для получения дальнейшего образования, вышли замуж. В настоящее время одна из них живёт на Украине, две другие — в Оренбурге.

До последнего дня своей жизни Надежда Иосифовна принимала самое активное участие в общественной жизни посёлка, выступала на торжественных митингах, посвящённых Дню Победы, веда перениску с пионерами Украины, Белоруссии, была почётным пионером дружины им. О. Кошевого Боровой восьмилетней школы, поддерживала связь со своими однополчанами. Жители посёлка помнят её как заботливую маму, идеальную хозяйку — её дом по улице Ветеринарный, 41 всегда считался домом образцового порядка, а на цветник возле него приходили любоваться люди со всей округи. Скончалась она летом 1976 года в возрасте 56 лет, похоронена на местном кладбище. В фондах музея нашлась и копия статьи Валерия Нуждина «Песня о барабанщике», опубликованная в газете «Комсомольское племя» в 1975 году. Отрывок из неё мы и предлагаем читателям.

Песня о барабанщике

...На завтра, 22 июня, Надя Коцера, старшая пионервожатая школы небольшого городка Малин, что на Житомирщине, условилась с ребятами посмотреть кинофильм «Путёвка в жизнь». С этой мыслью и заснула. А проснулась... Гудела земля, хлопали двери и учащиеся интерната, охваченные ужасом, искали воспитателей. Впрочем, искать — значит осмысленно и как-то планомерно действовать, в том же, что увидела Надя, не было ни смысла, ни тем более планомерности.

На дворе истошно выл пёс Жулька, землю под ногами встряхивало, будто били по ней громадной выбивалкой. Так оно в общем-то и было, только вместо выбивалки содрогали и рвали её авиабомбы. Прибежали директор, воспитательница Дуся Волобуева, кое-как организовали подводы, и утром вместе с детьми приехали в г. Белую Церковь.

Здесь немного пришли в себя, остановились у базарной площади.

«В небе — то же солнце, вроде бы и пет никакой войны — не сон ли это? Только почему тогда, — думала Надя, — этот карапуз в подворотне, насупившись, лопочет:

*Старый барабанщик,
Старый барабанщик крепко
спал.*

*Он проснулся, перевернулся,
Всех фашистов разодел...*

Только почему так тревожно смотрят все на небо? И почему прохожие жмутся к стенам? Нет, не сон всё это. Беда сама ринулась с ясного чистого неба.

Невесть откуда появившиеся самолёты завертели карусель над городишком, и целый ворох бомб высыпался на головы детей, стариков, на школы и больницы.

Под ногами шелестела опавшая листва. Шли молча. Да, это была не практика среди причёсанных и аккуратных деревьев парка имени Горького в Москве. Это было всерьёз. По документам она теперь Марьяна Слонимская, комбриг партизанской бригады не Пётр Григорьевич Лопатин, а просто «дядя Коля». Для своих — «дядя Коля», для врагов — возмездие. И я тоже — возмездие, — думала на ходу Надя.

Пока шли — вспомнила и эвакуацию в Колтубанку Чкаловской области, и свои мятарства с просьбой отправить на фронт, и учёбу в спецшколе, куда направлена была по рекомендации Чкаловского обкома ВЛКСМ, и переход линии фронта. И вот первое боевое задание — взорвать железнодорожную линию с эшеленом.

— Чего это взмахнул рукой Лука? Ага, подошли.

Надя, Аня Великанова, Пашкевич огляделись — как будто всё было тихо. Быстро заложили под рельсы взрывчатку и скрылись в лесу.

...Вагоны трещали, как пустые спичечные коробки. Ухали взрывы, и башни танков делали «свечки» метров на двадцать. И вспомнился Наде мальчишка, лепетавший храбрые стихи:

*Старый барабанщик,
старый барабанщик...*

Надя улыбнулась: «Проснулся барабанщик, слышишь, карапуз!»

Павел Александрович Северный (п.ф. фон Ольбрик) (1900 – 1981) – русский писатель, драматург, родился в селении Верхний Уфалей Оренбургской губернии (ныне Челябинская область) в дворянской семье. Участник Первой мировой войны. После расстрела семи большевиками ушёл добровольцем в армию Колчака, был участником ледяного похода через Байкал. В 1920 году эмигрировал в Маньчжурию, затем в Китай. Большинство книг писателя издано в Шанхае. Вернулся на Родину в 1954 году, в 50-х годах жил в Оренбурге, работал в книжном издательстве. Член Союза писателей СССР, автор многочисленных романов и книг. Похоронен в Подольске.

Павел СЕВЕРНЫЙ

ГИМН

В эту зиму глубокий снег особенно красиво украсил в сказочные декорации звериную глушь маньчжурской тайги, в горах Кэн-тэй-элина.

В долине Хэн-ху-дао (Обычный тигровый путь) на берегу замёрзшей, занесённой снегом речки, среди толстых стволов деревьев мерцал жёлтый огонёк в окне фанзы охотника Чун-пина.

Из трубы, в морозную тишину ночи, вился белый дымок, признак человеческого жилья в горной тайге.

Ночь собрала в фанзе несколько, совершенно необычных для неё, людей; они приехали из далёкого города, чтобы в дикой природе встретить Рождество. В памяти каждого человека эта ночь связана с покоем и тишиной ранних лет. Пожалуй, эта ночь самая любимая всеми людьми, особенно теми, кто одинок, кто не согрет любовью и лаской, кто живёт, как кукушка, не свив своего гнезда. В самых чёрствых душах эта ночь будит память о детстве, о днях, когда мозг не знал трезвых, продуцируемых мыслей, когда глаза, как на высшее чудо красоты, смотрели на

ва и «Тихого Дона» М. Шолохова. Со всеми этими произведениями его рассказ роднит верность «большой идеологии», от которой предлагает отказаться М. Липовецкий. По трём этим выдающимся произведениям русской литературы хорошо видно, как в русской культуре появляются сначала отдельные «раковые клетки» в лице предателя и изгоя дворянского общества Швабрина. В модернистском XX веке эти «клетки» начали размножаться с невиданной быстротой, поразив «метастазами» все сферы российской жизни. Герои Булгакова и Шолохова ещё пытаются героически противостоять этой неизлечимой в ту пору болезни. Панистка из «Гимна» — родная сестра братьев Турбиных. Аксиньи и Григория Мелехова. При всех внешних отличиях этих персонажей их объединяет наличие таких человеческих качеств, как честь, благородство и совесть. Но их героические подвиги во имя преданных большинством вечных ценностей и неувядающих традиций были лишь отдельными яркими вспышками перед погружением страны во мрак постмодернистского «хосписиса».

Редакция альманаха выражает благодарность А.В. Митаревскому за предложенные материалы о Павле Северном, а также сыну писателя — Арсеню Северному, давшему согласие на их публикацию.

И всё же ту давнюю уже Великую Отечественную войну мы выиграла у фашизма не превосходством его в насилие, не идеологическими шараханиями власовцев и националистов в поисках более выгодной для себя позиции, а более крепкой верой, верностью своим национальным традициям и самоотверженной любовью. О такой вере, верности и любви написал в 1941 году свой рассказ писатель Павел Северный.

*Пётр Фёдоров,
сотрудник библиотеки БГПУ
им. М. Акмулы*

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Северный, П. Гимн: [рассказ] // Чёрные лебеди / Павел Северный. — Тяньцзинь, 1941. — С. 18-26.
- ² Фомин, В. «Кална красная»: [воспоминания об истории создания легендарного фильма В. Шукшина] // Родина. — 2010. — № 10. — С. 139-144.
- ³ Марк Липовецкий: реализм в русской литературе — это фантом / беседа С. Шаповала с лит. критиком М. Липовецким // Культура. — 2010. — № 36 (сент.) — С. 4.

Галина МАТВИЕВСКАЯ

«НЫНЕШНИЙ ГОД СТАЛ ДЛЯ МЕНЯ ВАЖНЕЙШИМ ГОДОМ МОЕЙ НЕСПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ...»

*Свидетельства очевидца
о путешествии Александра Гумбольдта
по Оренбургскому краю*

*Галина Павловна Матвиевская
родилась в Днепротетровске.
Вместе с семьёй в 1941 г.
переехала в Оренбург. Окончила
математико-механический
факультет Ленинградского
государственного университета.
Доктор физико-математических
наук, член-корреспондент
АН Узбекской ССР, академик
АН Узбекистана, действительный
член Международной академии
истории науки.
С 1994 г. — профессор ОГПУ.
Член Союза писателей России.
Известный краевед,
автор многочисленных работ
по истории края. Лауреат
премии «Оренбургская лира»,
Всероссийской литературной
премии «Капитанская дочка»,
Шолоховской премии
«Они сражаются за Родину»,
премии им. Валериана Правдухина
альманаха «Гостиный Двор».*

В сентябре 1829 года Оренбург встречал знаменитого гостя — выдающегося немецкого учёного и путешественника Александра Гумбольдта (1769 — 1859), совершавшего научно-исследовательскую поездку по европейским и азиатским областям России. Его приезд стал не только памятным событием в истории города, но и способствовал повышению интереса русских учёных к изучению природы Оренбургского края, о которой в то время наука знала ещё очень немного.

Своими научными трудами и путешествиями Гумбольдт завоевал мировую славу. Вот что писал о нём один из петербургских журналов: «Современная наука насчитывает много энциклопедических умов, но первое место между ними, бесспорно, принадлежит барону Гумбольдту. Трудно перечислить всё, что знает Гумбольдт, но ещё труднее решить, чего не знает этот человек. Гумбольдт вполне знает нашу

планету... он проследил, изучал её во всех направлениях; от востока к западу, от экватора к полюсам, снизу вверх, — и самые глубочайшие пещеры, и огромные высоты, и ужасные вулканы, и бурные моря были поприщем его научной деятельности. Ему известны все произведения всех царств природы, и минерального, и растительного, и животного, люди всех видов, всех цветов с их историей, нравами, обычаями и организацией политической и общественной — и явления небесные точно так же, почти в одинаковой степени, как и земля».¹

В 1827 году русское правительство обратилось к этому авторитетнейшему учёному за советом о целесообразности использования для чеканки монет платины, месторождение которой было открыто на Урале, а затем предложило ему совершить поездку по России — «ввиду большой пользы, которая может от того последовать для науки и государства». Гумбольдт, который раньше в России не бывал, но испытывал к ней большой интерес, с радостью принял приглашение. Вместе с двумя берлинскими профессорами — минералогом Г. Розе (1798 — 1873) и биологом Г.Х. Эренбергом (1795 — 1876) он прибыл в Петербург в апреле 1829 года и затем в течение шести месяцев путешествовал по стране.

Экспедиция проследовала через Казань в Екатеринбург, смотрела уральские горные заводы и отправилась на Алтай, посетив Тобольск, Семипалатинск, Омск, Петропавловск. В конце августа путешественники прибыли в Миасский завод, откуда выезжали на золотые прииски, в

Ильменские горы и в Златоуст для осмотра оружейного завода. Следующей целью были Орская крепость и Оренбург. Сопровождать экспедицию на этом участке пути было поручено двум молодым геологам, в будущем крупным русским учёным Э.К. Гофману (1801 — 1871) и Г.П. Гельмерсену (1803 — 1885).

Из Оренбурга, где Гумбольдт и его спутники пробыли с 20 по 25 сентября (по новому стилю), они выехали в Астрахань (через Уральск, Бузулук, Вольск и Саратов), а отсюда, посетив Москву, 12 ноября вернулись в Петербург.

Экспедиция оказалась очень успешной в научном отношении и оставила незабываемые впечатления у её участников. Гумбольдт, отметивший в поездке своё 60-летие, писал: «Нынешний год, благодаря массе новых идей, собранных мной на обширном пространстве, ... стал для меня важнейшим годом моей беспокойной жизни».²

Результаты, полученные учёными, были опубликованы ими в многочисленных журнальных статьях и книгах. Среди этих сочинений особое место занимает двухтомный труд Густава Розе, изданный в 1842 году в Берлине под названием «Путешествие на Урал, Алтай и к Каспийскому морю, совершённое по повелению Его Величества Императора Российского в 1829 году А. фон Гумбольдтом, Г. Эренбергом и Г. Розе».³ Известный учёный И.В. Мушкетов писал в 1896 году, что автор «собрал громадный минералого-петрографический материал и обработал его с таким совершенством, что книга его, вышедшая через 12 лет после путешествия, до

сих пор пользуется большим уважением и составляет, бесспорно, лучшее и в своём роде единственное сочинение по Уралу и Алтаю».⁴

Труд Г. Розе представляет также большой интерес для оренбургского краеведения, потому что в нём подробно описано пребывание А. Гумбольдта в нашем городе. Это описание известно в русской литературе только в коротком пересказе. Ниже предлагаются некоторые отрывки из второго тома сочинения, который посвящён путешествию по Южному Уралу и поездке к Каспийскому морю.

Розе пишет, что 19 сентября 1829 года в 5 часов пополудни экспедиция прибыла в Орск — «главное укрепление на Верхнеуральской линии», в окрестностях которого, знаменитых яшмой, «во многих местах устроены каменоломни для екатеринбургских гранильных заведений».⁵⁽¹⁾ Для ознакомления с ними путешественники «несколько задержались в Орске и посетили, по крайней мере, одну из этих каменоломен, находящуюся в 7 верстах от Орска». Розе даёт подробное геологическое описание этого места.

Далее, по его словам, Гумбольдт, «чтобы не терять времени, сразу после возвращения с прииска яшмы, несмотря на наступление ночи, продолжил путь в Оренбург»;⁵⁽²⁾ а он сам остался в Орске, намереваясь утром внимательно ознакомиться с окрестностями. К нему присоединился Гофман, который «выразил дружескую готовность сопутствовать ему в этой экспедиции».⁵⁽³⁾

Розе описывает поездку от Орска до Оренбурга, отмечая все интерес-

ные для геолога подробности, и одновременно сообщает любопытные сведения о жизни людей в этих краях. «Мы выехали, — пишет он, — утром 20 сентября, как можно раньше, отправили наши повозки по большой дороге, которая проходит на значительном расстоянии от реки Урал, в Хабарную, следующую станцию, находящуюся в 26 верстах от Орска, а сами двинулись верхом по тропинке, проходящей вдоль реки, в сопровождении нескольких казаков, которые должны были защищать нас от нападения киргиз».⁵⁽⁴⁾ Здесь же он объясняет причину таких предосторожностей по отношению к кочевникам-киргизам, как тогда называли казахов: «Такой же эскорт получил вчера и г-н фон Гумбольдт и получает вообще каждый путешествующий по Средней уральской линии, так как граница от Орска до Оренбурга — одна из самых неспокойных в Российской империи. Очень часто киргизы, которые наседают степи к югу и западу от Средней и Нижней уральских линий и принадлежат к Малой Орде, перейдя реку Урал, делают враждебные набеги на русскую область и похищают людей и скот. Первых они продают на юг от Аральского моря хивинцам, которые считают русских хорошими работниками и используют их для тяжёлых работ на каналах в населённом ими оазисе Аму-Дары, и потому дорого оплачивают. Соседство с Хивой является поэтому одной из главных причин напряжённого состояния границы. Говорят, что в неволе в Хиве томится около 6000 русских, для которых, поскольку они отде-

лены от родины степями, бегство почти невозможно. Для немедленного оповещения о нападениях киргиз между редутами и крепостями на линии возводятся деревянные посты (так называемые маяки, сложенные из балок, сверху слегка усечённые пирамиды, к которым снаружи приставлены лестницы); на них размещаются караулы, которые должны обо всех изменениях в степи извещать соседние укрепления с помощью гонцов или сигнальных огнями».³⁵

Много внимания уделяет Розе одному из сопровождавших их солдат — молодому поляку Ивану Виткевичу. Речь идёт об И. В. Виткевиче (1809 — 1839), который впоследствии стал адъютантом оренбургского военного губернатора и сотрудником Оренбургской Пограничной комиссии и прославился дипломатическими поездками в Бухару и Афганистан.³ Розе пишет: «Он был воспитанником гимназии в Кроже Виленской губернии, но четырнадцатилетним юношей вместе с несколькими товарищами был по политическим мотивам ещё при императоре Александре сослан в Орск и приговорён пожизненно оставаться казаком. Виткевич использовал в Орске своё свободное время для изучения восточных языков, особенно тюркско-киргизского диалекта, персидского и арабского, для чего в Орске у него были условия, достиг в этом большой сноровки и, возможно, поскольку при восшествии на престол императора Николая ему не открывалось никаких видов на лучшую участь, имел намерение при первой возможности убежать через киргизские степи и таким

Портрет Гумбольдта. 1829 г.

образом проложить себе путь в Европу. Г-н фон Гумбольдт, который в Орске услышал об этом молодом поляке и узнал о его достойной сожаления судьбе, ходатайствовал о нём по возвращении в Петербург лично перед императором Николаем. Это ходатайство имело счастливые последствия».³⁶ Далее Розе рассказывает, хотя и не совсем точно, о дальнейшей драматической судьбе Виткевича и его преждевременной смерти.

В Оренбург Розе прибыл 21 сентября около двух часов дня. «Мы остановились — пишет он, — в доме полковника Тимашева, где встретил гостеприимный приём и приехавший утром г-н Гумбольдт».³⁷ Изложив коротко историю Оренбурга, Розе рассказывает о своих впечатлениях от города и его окрестностей: «Оренбург — это главный город губернии,

главная крепость на Оренбургской линии и главное местопребывание азиатской караванной торговли. Город отличается большими размерами и имеет большие, широкие, хотя и немощённые улицы с отдельно стоящими домами, среди которых много представительных каменных строений. Он расположен непосредственно на берегу Урала, в трёх верстах выше впадения в него Сакмары, в той же сухой возвышенной степи, через которую между высокими берегами протекает Урал... При степной природе окрестностей особенно радуется и удивляет большой прекрасный парк на уральском острове, или, скорее, между старым и новым руслами Урала, в котором имеются высокие деревья — чёрный и серебристый тополь и ива. Здесь стоит храм с колоннами из белого плотного известняка, который добывается в горах Гребени в 20 верстах севернее Оренбурга».³⁸ Упомянутой «храм» — это беседка-ротонда, которая теперь находится в сквере на улице Советской.

«Для имеющей важное значение торговли с киргизами, бухарцами и хивинцами, — продолжает Розе, — на южной стороне Урала в двух верстах от города построен большой азиатский меновой двор. Он обнесён высокой каменной стеной в форме квадрата, сторона которого составляет 100 сажений и имеет два входа: один для европейских, а другой для азиатских купцов. Я видел его только издали, тогда как г-н фон Гумбольдт посетил его в тот же день в сопровождении директора таможи г-на Сушкова» [там же].

Начальник таможи Н. В. Сушков (1796 — 1871) был одним из оренбуржцев, которых надолго запомнили участники экспедиции. Военного губернатора П. К. Эссена (1772 — 1844), с которым они собирались встретиться, увидеть в Оренбурге им не довелось. Розе пишет: «Мы провели в Оренбурге несколько дней и могли надеяться завести в этой главной точке общения с Средней Азией интересные знакомства. К сожалению, эта надежда обманула нас в отношении главного лица губернии генерал-губернатора П. К. Эссена, который покинул Оренбург лишь за несколько дней до нашего прибытия и занимал инспекторскую поездку по линии, где мы видели его несколько мгновений 18 сентября на Сыртинском редуте. Поскольку со всех сторон, а особенно наши спутники Гофман и Гельмерсен, прославляли его как умного и сердечного человека, который усердно старается поддержать всякое научное предпринятие, мы тем более сожалели, что служебные дела держали его во время нашего пребывания вдали от Оренбурга» [там же].

Наибольшее впечатление на Гумбольдта и его спутников произвёл председатель Оренбургской Пограничной комиссии Г. Ф. Генс (1787 — 1845). «Тем большим счастьем сочли мы для себя, — продолжает Розе, — знакомство с другим человеком, генерал-майором фон Генсом, который вызвал у нас всех, и особенно у г-на фон Гумбольдта, большой интерес из-за своих познаний в географии и политическом положении Средней Азии, чем он много занимался по пристрастию и благодаря своему

положению председателя пограничной комиссии. Через караваны, которые часто приходят в Оренбург из Бухары, Ташкента, Коканды и киргизских степей, он собрал много известий об этих и пограничных государствах, тем более ценных, что при большой недоступности этих государств для европейцев получить их прямым путём нельзя совсем, или можно лишь с величайшими трудностями. Таким же образом он собрал большое количество маршрутов различных караванов, которые он сообщил г-ну фон Гумбольдту, и здесь, как и везде, он, благодаря долговому опыту и путём сравнения разных показаний, часто оказывавшихся намеренно искажёнными, научился отделять неверные от истинных. Кроме того, он сообщил нам много сведений о естественных произведениях киргизских степей и некоторые из них смог предъявить живём, так как в своих конюшнях держал киргизского козла с длинной и тонкой шерстью, превосходного туркменского жеребца и т.д. Поскольку генерал фон Генс прекрасно говорит по-немецки, наши беседы с ним были для нас особенно приятны и поучительны». ³⁹³

Среди тех, с кем участники экспедиции общались в Оренбурге, Розе называет полковника Зубковского, имея, конечно, в виду С.Т.Цюлковского (1788 – 1842). Фамилию его он не запомнил, но очень точно описал известный случай с торговым караваном, отправившимся в 1825 году в Бухару под прикрытием военного отряда, которым командовал Цюлковский. О нём говорится как о «полковнике линейных казаков и человеке боль-

шой храбрости и решительности, имевшем много случаев отличиться в постоянной малой войне, которую линейные казаки ведут с киргизами» [там же].

О начальнике таможни Сушкове, «столь же образованном, сколь и приятном светском человеке», Розе пишет, что «он сообщил г-ну фон Гумбольдту очень много сведений о торговле в Оренбурге и вообще своей любезнейшей предупредительностью по отношению ко всем нашим желаниям очень содействовал удобству нашего пребывания в Оренбурге» [там же].

Чрезвычайно полезным для Гумбольдта и Розе оказалось знакомство с Г.С. Карелиным (1801 – 1872). «Г-н Карелин, — пишет Розе, — был раньше капитаном русской армии, а во время пребывания нашего в Оренбурге жил как частное лицо. Он большой любитель и знаток естественной истории и владеет прекрасными естественно-историческими коллекциями, которые нас особенно интересовали, поскольку в них находились, главным образом, предметы из окрестностей Оренбурга. Собрания распространяются на все области естественной истории, но этномологические, пожалуй, наиболее значительны. Однако наибольший интерес представлял для нас г-н Карелин из-за отношений, в которых он состоял с Джангиром, ханом внутренней киргизской орды, у которого он был учителем математики и с которым всё ещё был очень дружен». ³⁹⁴

Г.Розе сообщает интересные сведения о работавшем с Карелиным любителе естествознания И.И. Ко-

рне, который впоследствии профессионально занимался ботаникой, по о котором сам Карелин нигде не упоминает. Речь здесь, несомненно, идёт о есауле Иване Корине (а не Карине, как указывается в тексте — Г.М.), имя которого не раз встречается в документах Государственного архива Оренбургской области. «Через г-на Карелина, — рассказывает Розе, — мы познакомились ещё с одним молодым казачьим унтер-офицером г-ном Кариным, который, помимо своих служебных занятий, под руководством г-на Карелина очень успешно занимался естественной историей, главным образом, ботаникой; у него был прекрасный гербарий, в котором находились степные растения, и о которых он г-ну Эренбергу, с интересом рассматривавшему их, мог рассказать много нового. Г-н фон Гумбольдт, живо заинтересовавшийся этим молодым человеком, по возвращении в Петербург добился у Его Величества Императора, чтобы позаботились о государственных средствах для его научного образования, с тем, чтобы позднее его можно было послать в естественно-историческое путешествие в киргизские степи, для чего он, при своём знании обычаев и привычек киргиз, очень подходил. Его отправили в Петербург, где он обучался в Ботаническом саду под руководством профессора Фишера. Позднее он, как офицер, был послан за границу, причём мы имели удовольствие видеть его в Берлине» [там же].

Далее следует рассказ о поездке участников экспедиции в Илецкую Запиту. «В окрестностях Оренбурга, — пишет Розе, — нас, прежде

всего, интересовали большие соляные приiski в степи между Уралом и его притоком Илеком. Чтобы осмотреть их, мы совершили экскурсию туда, несмотря на неблагоприятную погоду, которая весь день была дождливой и холодной. И при этом нас радовало общество директора таможни г-на Сушкова, а также вице-президента Перовского из Петербурга, который, совершая поездку, случайно встретился с нами в Оренбурге». ³⁹⁵

Здесь имеется в виду министр уделов Л.А. Перовский, объезжавший в это время удельные имения.

Розе подробно описывает Илецкую Запиту и соляные приiski. Говоря о мощности месторождения, он ссылается на журнал работ по её определению, проводившихся в 1821 году, с которым гостей познакомил директор приисков Г.Н. Струков. Он пишет: «Директор приисков г-н Струков дал г-ну фон Гумбольдту по его просьбе журнал, который вели во время этих буровых работ, и план приисков. Их я использовал в дальнейшем». ³⁹⁶

Большой этнографический интерес представляет описание народного праздника, на котором 25 сентября, накануне отъезда из Оренбурга, присутствовали Гумбольдт и его спутники.

Розе пишет: «Генерал Генс хотел дать г-ну фон Гумбольдту возможность ближе познакомиться с киргизами пограничных степей, и поэтому через посланцев пригласил ближайших султанов прибыть со своими подданными поближе к Оренбургу и устроить состязания в борьбе и игры. В результате это-

го приглашения, действительно, появились в большом количестве киргизы, разбили свои юрты в нескольких верстах от Оренбурга, в степи по пути в Илецк, и их султаны в полдень 25 сентября явились лично к генералу Генсу, чтобы пригласить его и г-на фон Гумбольда на эти игры.

И мы, сопровождаемые ими, тотчас поехали в их юрты, и уже по дороге имели возможность любоваться их верховым искусством, так как многие из свиты султана делали круги галопом около наших повозок, опираясь вытянутыми руками на седла, головой вниз и вытянув ноги вверх.

Прибыв к их шатрам, мы сначала были отведены в один из самых больших к женам султана, которые встали в ряд против входа и среди которых, поскольку все они были неприкрыты, мы могли заметить несколько в своём роде действительно хороших лиц со свежими розовыми щеками. После короткого приветствия, состоявшего в том, что мы им всем по очереди подали руку, сразу начались состязания. Сначала представлялись киргизы, которые хотели участвовать в конных скачках; они проследовали перед нами и отправились рысью к удалённому на семь верст месту, откуда должны были прискакать во весь опор к нам. В это время были устроены другие игры; в круг, образованный зрителями, вышли два киргиза, которые, сняв верхнюю одежду, забросили свои кожаные пояса за спину противника и старались повалить друг друга — точно так,

как мы видели в борьбе у татар на сабана в Казани. И здесь победитель оставался на месте, пока не встречал достойного противника. В большинстве случаев это выяснялось уже во втором бою, но среди всех отличился один борец, который повалил одного за другим пятерых, пока не был побеждён лишь шестым. Интерес, который проявляли к этим играм другие киргизы, был так велик, что они напирала со всех сторон и круг постоянно сужался; затем время от времени надсмотрщики отодвигали их плётками, что, как ни казалось нам происходящее немилосердным, никогда не вызывало обиды, и всё совершалось в полном согласии.

Жёны султана также вышли из своей юрты и, столпившись в одном месте, наблюдали за играми.

Борьба продолжалась долго, после чего был принесён большой железный котёл, который был больше чем наполовину наполнен варёной крутой. В неё генерал Генс бросил серебряный рубль, и киргизы были приглашены достать его ртом. Дышать под кашей было невозможно, почему попытка не могла длиться долго, но схватить монету зубами в гладком котле трудно, и многие потерпели неудачу в попытке, которую одному и тому же повторить не разрешалось; они должны были безрезультатно удалиться, с белой от прилившей каши головой до плеч, под громкий хохот окружающих. Было очень забавно видеть усилия, прилагаемые каждым для достижения цели, и наконец, одному удалось предвинуть серебряный рубль ртом к краю кот-

ла, а затем схватить его зубами. Второй схватил зубами другой брошенный рубль, и таким образом игра продолжалась некоторое время с новыми рублями.

Теперь в круг вышли два музыканта, старый и молодой, которые присели друг перед другом, скрестив ноги, и извлекли из инструментов, похожих на кларнет, жалобные звуки, дующие в них то поочередно по одному, то вместе. Казалось, они прикладывали особое искусство к тому, чтобы извлекать протяжные тоны, и при этом страшно гримасничать, в чём особенно далеко зашёл старый, который, видимо, много воображал о своём искусстве. Во всей их игре нельзя было заметить и следа мелодии, но они сами были в таком восхищении, что заставить их прекратить можно было лишь с большим трудом, и они постоянно всё начинали снова. Между тем мы хотели послушать и женщин, из которых одна, совершенно закутанная, вышла в круг, присела таким же образом, как мужчины, и начала петь, издавая, как они, долго затихающие минорные тона. После неё две молодые девушки запели дуэтом; они сели лицом друг к другу, близко одна к другой, и подняли свои покрывала так, что могли видеть одна другую, как и зрители со стороны, что, казалось, их не обижало. Их превалило известие, что приближаются всадники, после чего они встали, и зрители отступили от нас назад, часто побуждаемые к этому плётками надсмотрщиков, чтобы нам и женщинам открылся вид на

скачущих галопом всадников. Один юноша пришёл впереди всех; он выиграл приз, состоящий в вышитой серебряной одежде, но и пришедшие сразу за ним были награждены небольшими подарками.

После состязания на лошадях были устроены состязания в бегах пешиком. Соревнующиеся отослали на расстояние полутора вёрст, откуда они бежали к нам. Здесь молодой, уже взрослый киргиз получил первую премию, состоявшую в серебряном рубле; другие получили куски хлопчатобумажной материи и другие более мелкие подарки. Первый бегун, однако, преодолел путь в полторы версты, следовательно, больше, чем пятая часть немецкой мили, за короткое время в три минуты, что мы могли определить точно, так как могли ясно видеть, когда соревнующиеся начали бег, а относительно расстояния сомнения не было, ибо оно определялось верстовыми столбами, которые установлены везде на почтовых дорогах и, следовательно, также на пути от Оренбурга до Илецка.

Этим закончились игры, которые, благоприятствуемые самой ясной и хорошей погодой, доставили нам много удовольствия, за что мы чувствовали себя весьма признательными генералу Генсу, чьей внимательности были обязаны.

Между тем было уже шесть часов, и мы спешили теперь домой, чтобы сделать приготовления к предстоящему завтра отъезду».³¹³⁾

О дальнейшем пути экспедиции Розе пишет: «Оренбург, согласно

нашему первоначальному плану, был последней целью нашего путешествия: между тем г-н фон Гумбольдт с давнего времени был воодушевлен желанием посетить также Астрахань и Каспийское море, и хорошая погода, которой мы с некоторого времени опять должны были радоваться, казалось, приглашала к осуществлению этого плана. Поэтому мы в предыдущие дни много говорили с нашими друзьями об этом путешествии и о том, каким образом его осуществить. Речь шла, главным образом, о том, проедем ли мы степь между рекой Уралом и Волгой, или должны объехать её долгим окольным путём. Первое совершил уже Паллас в 1773 г».³⁽¹⁴⁾

Путь через степь представлял большие трудности. Требовалось получить поддержку хана Внутренней Орды Джангера, но вряд ли удалось бы успеть предупредить его об этом. «Довериться степи, — объясняет Розе, — без подготовки наудачу, в надежде время от времени повстречать киргизские аулы, где мы смогли бы нанять лошадей, казалось г-ну Гумбольдту слишком опасным, хотя г-н Карелин нас к этому путешествию сколько возможно склонял, добровольно предлагая проводить нас к хану и поддержать нас своим опытом, так как он уже много раз проделал этот путь. Таким образом, нам не оставалось ничего другого, как объехать степь».³⁽¹⁵⁾

Рассказ о пребывании гостей в Оренбурге Розе завершает словами: «Мы покинули Оренбург утром 26 сентября. Наши друзья гг. Генс и

Сушков проводили нас до Сакмары, находящейся в трёх верстах от города. Здесь они простились с нами и здесь с нами расстались наши спутники гг. Гофман и Гельмерсен, которые хотели отправиться из Оренбурга прямым путём в Петербург, где мы надеялись встретиться с ними опять».

ЛИТЕРАТУРА

¹ «Журнал министерства народного просвещения». Ч. 46. 1845. Отд. VI (Обозрение русских газет и журналов). С. 35.

² Анучин, Д. П. Александр фон Гумбольдт как путешественник и географ и в особенности как исследователь Азии. М., 1915. Т. 1. — С. 101.

³ Rose G. Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere auf Befehl Sr. Majestät des Kaisers von Russland im Jahre 1829 ausgeführt von A. von Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose. Berlin, 1842.

³⁽¹⁾ — с. 185

³⁽²⁾ — с. 187

³⁽³⁾ — с. 188

³⁽⁴⁾ — с. 188-189

³⁽⁵⁾ — с. 189

³⁽⁶⁾ — с. 188

³⁽⁷⁾ — с. 195

³⁽⁸⁾ — с. 198

³⁽⁹⁾ — с. 199-200

³⁽¹⁰⁾ — с. 202

³⁽¹¹⁾ — с. 204

³⁽¹²⁾ — с. 206-207

³⁽¹³⁾ — с. 212-216

³⁽¹⁴⁾ — с. 217-218

³⁽¹⁵⁾ — с. 229-230

⁴ Матвеевский, П. Е. Александр Гумбольдт и Иван Виткевич // Гостинный Двор. № 4. Оренбург, 1997. — С. 221-228.

⁵ Матвеевская, Г. П., Зубова, И. К. «Я удовлетворю совершенно мою страсть к путешествиям...» Письма И. В. Виткевича к В. И. Далю // Гостинный Двор. № 16. Оренбург, 2005. — С. 298-312.

Вычеслав Андреевич Чернов родился в 1941 г. в селе Надеждинка Сафакташского района. Окончил сельскую школу-семилетку, железнодорожное медицинское училище в Оренбурге. Работал фельдшером, затем с отличием окончил Оренбургский государственный медицинский институт. Кандидат медицинских наук, доцент Оренбургской государственной медицинской академии, заведующий отделением 1-й горбольницы Оренбурга, заслуженный работник здравоохранения РФ. Рыбак, грибовик, фотолобитель, автор нескольких книг о природе, член Союза писателей России. Лауреат областной литературной премии имени С. Т. Аксакова (2004).

Вычеслав ЧЕРНОВ

УРАЛ

Степь

Пожалуй, ни один художник, ни один писатель не сможет отразить всё многообразие и своеобразную красоту оренбургской степи. То ровная и бесконечная, то вздыбленно-холмистая с перелесками и оврагами раскинулась она от края до края на сотни километров. Заснеженная и стелая в зимнее время, сверкает она и слепит глаза в солнечный день миллионами алмазных искр, ещё больше подчёркивая свою беспредельность.

Поднимитесь на самую высокую гору или взгляните из иллюминатора самолёта, но и тогда вы не увидите её края, сливающегося с казахстанской степью на юге и уральскими лесами на севере.

В морозный зимний день степь наполнена тишиной, нарушаемой изредка попискиванием в перелесках синиц, да простуженным карканьем одиноких ворон. Но обманчива зимняя тишина, посте-